

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ  
ФЕДЕРАЦИИ**  
**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение  
высшего профессионального образования  
«Санкт-Петербургский государственный университет  
аэрокосмического приборостроения»**

---

**М.Л. Бурова**

Образы науки в русской философии XIX-XX веков

Текст лекции

Санкт-Петербург

2013

## АННОТАЦИЯ

Текст лекции предназначен для студентов, изучающих курсы философии, методологии научного познания, истории и философии науки, а также для всех, интересующихся русской философией. Рассматриваются и сопоставляются представления и концепции русских философов о методологии и философии науки, возникших под влиянием «кризиса науки» конца 19-начала 20 в. Особое внимание уделяется работам С.Н.Булгакова, Ф.А. Степуна, П.С.Юшкевича.

## Введение

Образ науки не совпадает с идеей науки или с ее логическим определением. Это единство представления, впечатления, переживания и осознания того, что действительно существует. Образы могут быть устойчивыми и изменчивыми, длительными и короткими, они могут сочетаться, уходить и возвращаться. Они противоречивы, в них могут быть рациональные и иррациональные моменты. По-разному смотрят на науку и видят, представляют, понимают, воображают науку профессионалы-ученые и философы, писатели, интеллигенция и народ. Образы науки могут оказывать влияние на ее действительное содержание и положение по отношению к другим элементам духовной культуры или социума. Образы могут не только сосуществовать, но и конфликтовать, что может приводить к разочарованию, скептицизму, нигилизму и потерянности. Сама духовная атмосфера, традиции, менталитет, культура познания может порождать новые образы. Исследование образов также является задачей философии, поэтому можно задавать вопрос не только о том, что есть наука как таковое, само по себе, как сущность. Не менее интересно понять, как и почему наука видится и воспринимается в таком или ином образе, с чем соотнобразуется ее понимание.

Наука связана с познавательной деятельностью, но сама эта деятельность исторически и культурно обусловлена. На этом настаивает Н.В. Бряник, вводя понятие менталитета для осмысления реального познавательного опыта европейской культуры. Менталитет рассматривается ею как способ постижения мира «безмолвствующим большинством», а не узкой группой профессионалов» (1, С.119). Это постижение мира отнюдь не всегда объективировано-рационально, но востребованной в новоевропейской культуре в силу определенных условий человеческой жизнедеятельности оказалась наука, нацеленная на получение знаний (Там же, С.121). Автор предлагает оценивать познавательную активность на трех уровнях - реальный анонимный познавательный опыт-менталитет, присущий строителям культуры; способ познания, свойственный философам, выделяемый на основе анализа их воззрений; представления о познании репрезентативных мыслителей эпохи, чьи идеи и термины транслируются в последующие эпохи. Оценка авто-

ром познавательного опыта новоевропейской культуры может быть применена и к русской культуре, ибо в ней постепенно проявлялась «мыслительно-рассудочная, инструментально-технологическая рациональность» и всегда присутствовал «иррациональный опыт познания..., связанный с интуитивно-поэтическим проникновением в суть бытия» (Там же, С. 127).

Не менее важным является взаимоотношение социального контекста и научного познания. Е.А.Мамчур отмечает социальную природу, социальную обусловленность и социальную детерминированность научного познания (2, С.47). Автор отмечает, что наука уже в 19 в. перестает рассматриваться как индивидуалистическое предприятие, «...социальное выступает как предпосылка, обязательное условие, без которого наука просто не могла бы реализоваться», отсюда необходимо исследовать конкретные социальные факторы, влияющие на познавательный процесс в определенном месте и времени. Социальные факторы играют самостоятельную роль в функционировании и развитии научных идей, история науки не может быть независима от истории ее социокультурного окружения (Там же, С. 48-49).

Опираясь на эти суждения, можно полагать, что если не сама наука, то ее образ, переживание, направленность, безусловно, зависят от социокультурной среды и духа эпохи. Важна одна особенность русской культуры, о которой пишет В.В.Янцен. Это длительное раздвоение и даже разрыв единой русской культуры на «официальную» и «неофициальную», «прогрессивную» - «консервативную», «революционную» - «контрреволюционную» и т.д. (См. 3, С.11). Мировоззренческие расхождения порождали дискуссии в философии по многим, прежде всего социально-политическим проблемам. Но и гносеологическая проблематика не оставалась нейтральной, отсюда поляризация образов знания и науки. Мы попытаемся восстановить некоторые образы науки, отражающие ее развитие и отражающиеся как в зеркале в русской философии.

## **1. Наука - дело профессионалов и кумир дилетантов**

«Посев научный взойдет для жатвы народной»  
Д.И.Менделеев

Первые исследования науки, имеющие философский характер, начинаются в 18 веке, когда в России появляется сама наука, как во многом внешнее, привнесенное явление в духовную культуру. Западноевропейская наука, истоки которой коренились в античности, которая прошла через трудный период схоластики, прорастала и утверждалась в эпоху Возрождения и в Новое время, была переселена на русскую почву вместе с системой образования (Университетом, гимназией, Академией наук), профессорами и студентами монаршей волей. Для ее укоренения требовалось и знакомство с европейской традицией, и практический интерес, и давление власти. Необходимо было сформировать социально-культурную среду, мыслящее сословие не просто образованных, а способных к научному творчеству людей. Изначаль-

но размышлять о науке прежде всего могли те, кто ею так или иначе, теоретически или практически, занимался, но наука, образование и знание почти не различались. Одновременно шло и усвоение философских концепций эмпиризма и рационализма, политической философии с ее принципом «общей пользы». Представители «ученой дружины» Петра I (Феофан Прокопович, В.Н.Татищев и др.) задумываются о возможности науки как таковой, о ее единстве с философским знанием, о необходимости просвещения. Заимствованный и уже не новый принцип «двойственной истины» предлагал для науки собственный, открытый и свободный, путь к единой истине. Все науки должны развиваться, их неправильность должна доказываться знаниями, а не запретами. Тогда же возникает идея подчинения науки государству, которое заказывает и контролирует исследования. Наука - дело государственное. Науки приносят пользу обществу и государству, важны для просвещения и благоденствия населения, учат мыслить. Принцип общественной полезности лежит в основе классификации наук В.Н. Татищева (1686-1750). Необходимо-полезными науками он считал языкознание, математику, механику, логику, естественные науки, философию и богословие. Уровень знания и степень просвещения способствует историческому прогрессу.

Позже, у М.В.Ломоносова (1711-1765) звучит мысль о тесной связи науки и философии, нужно стать философом, чтобы стать ученым. Без мировоззрения наука невозможна. Наука и религия принадлежат разным областям, научная истина и религиозная вера есть две дочери Всевышнего родителя. Философия выступает как методология научного познания, она придает смысл науке, т.е. необходима для осмысления итогов научных исследований. Помимо наблюдения и эксперимента, Ломоносов утверждал исторический метод, метод гипотез, логические методы. Он также требовал от науки отвечать на запросы хозяйства, потребности людей и помогать в развитии культуры и просвещения. Ломоносов выступал против авторитетов и догм в науке (особенно в истории и языкознании)

(См. 4, С.92-93, 122-124). Первоначальный образ науки как государственного дела постепенно дополняется образом науки как воспитательницы и помощницы. «Науки юношей питают, Отраду старым подают. В счастливой жизни украшают, В несчастной случай берегут; ... Науки пользуют везде, ... В покое сладки и в труде» Эти строки из Оды Ломоносова вполне демонстрируют дух эпохи Просвещения.

Высоко ценил науку и Г.С.Сковорода (1722-1794) как наставницу человека, которая вооружает человека знанием дела, руководит его практически интересами. Знания зависят от человека, истина идет от природы (натура - мать познания). Наука открывает человеку широкие просторы познания земных и небесных явлений. (Там же, С.142-144). Интересные взгляды на научное познание и классификацию наук, необходимую для правильного обучения принадлежали Я.П. Козельскому. Можно сказать, что в 18 в. социальная основа науки достаточно узка и не выходит за рамки Университета и Академии. Идеология просвещения, развитие образования во многом нисходит от власти. Понимание науки носит утилитарный и просветительский характер,

что продолжается и в 19 в., но меняется социальный контекст, появляется оппозиция официальной власти, идеологии.

О науке, философии и религии начинают говорить в кружках 30-х годов, тема науки звучит в четвертом философическом письме П.Я.Чаадаева (1794-1856). Изучение физического мира путем опыта и логики ставит вопрос об общем законе природы, об истоках человеческого знания. Чаадаев пишет об ограниченности методов естественных наук, неприменимых к духовному миру, об ограниченности самонадеянного человеческого разума, о единстве разума и веры, ведущем к Богу.

40-е годы 19 в. характеризуются появлением революционно-демократического движения, что постепенно изменило образ науки и ввело ее в новый социальный контекст. Исходным пунктом этого нового взгляда явились статьи А.И. Герцена (1812-1870) «Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы». Эти работы утверждали необходимость союза философии и науки, в какой-то мере они были оппозицией славянофилам, призывающим к повороту философии в сторону религии, и вызвали большой интерес.

Как писал автор, положение науки меняется. Со времен средневековья прибавилось и число ученых, и число учебных заведений. Но рост учебных заведений не дает прироста знаний. Хотя всем нравится идея науки, приятно быть ученым, но энтузиазм проходит. Обычному человеку трудно читать философские и научные трактаты. Герцен противопоставляет дилетантов и формалистов. Дилетанты сродни праздношатающим, у них нет своего дома. Наука везде дома, но только нет нигде жатвы, где она не посеяна. Наука не достигается без труда. Дилетанты любят науку, но при этом ее совершенно не понимают. Формализм - это кастовость и специализация. Ученые замкнуты в своей цеховой организации, ничего не знают о жизни повседневной. Они не интересуются государственными делами, кичатся своим незнанием общего и знанием узкого (то есть, формалист - это профессионал как узкий специалист). Необходим синтез науки и философии, философии и жизни, оживление ученого, который должен быть гражданином. Герцену свойственно романтическое отношение к науке, он ждет от нее спасения, чудес, преобразования действительности. В «Письмах об изучении природы» Герцен исследует взаимоотношение философии и науки от античности до Бэкона и Декарта. Он утверждает диалектику исторического и логического в исследовании науки. Необходимо знать эмбриологию науки, без которой трудно понять ее современное состояние, логика исследования науки недостаточна для понимания положений науки. Естествознание должно заключить союз с философией ради правильного метода. (См.5). В целом Герцен считает русских весьма способными к наукообразному мышлению. Позже С.Н.Булгаков в статье «Душевная драма Герцена» писал о способности Герцена к переживанию философских учений от увлечения к разочарованию, в том числе позитивизма, с 50-х годов разочарование распространяется Герценом и на европейскую культуру, человечество, исторический прогресс и науку. Как писал Булгаков, Герцен «любил науку, ценил в ней стремление к

истине и проповедовал «смирение» перед ней, но он слишком хорошо понимал ее действительную компетенцию. Он знал, что... наука не может изобрести или открыть в реторте смысл жизни или истории. Поэтому наряду с другими кумирами на сломку должен был пойти и этот». (6, С.113) Герцен разрушал суеверное отношение к науке, ополчался против научного фетишизма и фатализма естествоиспытателей, увлекающихся логическими абстракциями и выдуманной целью природы. ( Там же)

Во второй половине XIX в. о науке говорят как философы, так и сами ученые, при этом усиливается мировоззренческая составляющая науки, вновь постулируется необходимость связи науки и философии, борьба против авторитетов и стереотипов, против однозначности ответов в науке и против отвлеченности философии. Успехи русского естествознания усиливают и преклонение перед наукой, которая почти отождествляется с философией. Как отмечал В.В.Зеньковский, шестидесятые годы – это развитие русского «Просвещения» с культом научного знания, стремлением к широкому его распространению. Тяга к «научной философии» имела, по мнению автора, следующие черты: вера в единственность научных методов в постижении бытия, преклонение перед научными приемами мысли, наивный рационализм и в то же время убеждение в относительности, эволюции, историчности всякого знания (См. 7, С.5-6)

На русскую мысль сильно повлиял позитивизм О.Конта и Г.Спенсера: это и появление русских позитивистов, и попытки связать науку, философию и идеологические построения. Социальной средой, где происходит осмысление науки, являются разночинцы и интеллигенция, они не профессионалы, а дилетанты, но именно они создают менталитет эпохи. К этому же времени усиливается противопоставление власти и «прогрессивно» настроенного общества, что позже будет позиционировано как противопоставление власти и народа. Начиная с 60-х годов, периодически появляются споры о науках, прежде всего естественных и точных, о возможности сделать научными историю, нравственные науки. Попытки предложить точное решение нравственных вопросов, на основе понимания единства природы человека характерны для Н.Г.Чернышевского. Много сделал для пропаганды естествознания, в частности, дарвинизма, и научного мировоззрения Д.И.Писарев. Определенный утилитаризм выражается в идее практической, социальной и нравственной пользы научных знаний, прежде всего для народа. Следует отметить, что для народовольцев 60-х годов 19 в. характерно сомнение в необходимости науки для народа, народ не знает, что это и для чего, боится ее представителей (врачей, профессоров и студентов), реально может выступить против них, необходимо практическое просвещение и образование народа. Теоретическим результатом народничества явилось появление субъективного метода в социологии, требование изменения действительности с позиции нравственного идеала. Позже в сборнике «Вехи» М.О.Гершензон (1869-1925), отмечая неудачу просветительской деятельности народников, интеллигенции, подчеркивал, что народ не воспринимает рационалистическое знание, а ищет знание практическое в форме низшего, технического, включая

грамоту, и высшего, метафизического, уясняющего смысл жизни. Бесплезно было просвещать народ, заваливая его популярно-научными книжками (См. 8, С.87)

Как известно, не только публицистика, но русская литература в целом в 19 в. играла большую роль в формировании мировоззрения русской интеллигенции. Поэтому обратим внимание на характеристику Л.Н.Толстым (1828-1910) значения науки в связи с общим назначением жизни людей. Некоторое отрицательное отношение к науке чувствовалось у писателя в конце жизни, когда он задавался вопросом, нужна ли наука вообще, ошастливила ли она народ. Наука, полагал он, искажает духовность, увлечение наукой – суета, привлекающая людей к грехам. «Суеверие науки состоит в вере в то, что единое, истинное и необходимое для жизни всех людей знание заключается только в тех случайно избранных из всей безграничной области знаний отрывках разных, большей частью ненужных знаний, которые в известное время обратили на себя внимание небольшого числа освободивших себя от необходимого для жизни труда людей и потому живущих безнравственной и неразумной жизнью» (9, С.6).

Возможна истинная наука, которая изучает и вводит в сознание людей истины и знания, которые людьми известного времени и общества считаются самыми важными, но возможна и ложная наука, когда изучается нужное и приятное тем людям, которые наукой занимаются. А это люди, принадлежащие к высшим классам, желающие удержать свое преимущество и удовлетворить праздную любознательность. Так, богословие, философия, политическая экономия доказывают, что существующий ложный строй жизни существует по неизменным, не подлежащим человеческой воле законам, нарушать его бесполезно. Естественные науки, изучающие то, что не имеет прямого отношения к человеческой жизни, занимаются любопытным и выгодным для высших классов, включая технические усовершенствования. Чтобы оправдать выбор этих предметов изучения, придумана теория науки для науки. (См. 10, С.95). Оба эти раздела науки вредны для человека, желающего изучать важнейшие жизненные вопросы. Особо подчеркивается Толстым ничтожность знаний, доставляющих наивную гордость замкнувшимся на своих предметах ученым. Это воображаемая геометрия, спектральный анализ Млечного пути, икс-лучи, успехи медицины, технические достижения, ведущие к войнам. «Нам кажется, что наука только тогда наука, когда человек в лаборатории переливает из склянки в склянку жидкости, разлагает спектр, режет лягушек и морских свинок, разводит на особенном научном жаргоне смутные, самому ему полупонятные теологические, философские, исторические, юридические, политико-экономические кружева условных фраз, имеющих целью показать, что то, что есть, то должно быть» (Там же, С.97). Как видно, противопоставление истинной и ложной науки имеет чисто этический характер, как противопоставление сущего и должного, причем перед наукой ставятся прежде всего смысло-жизненные и социальные задачи.

Взгляды революционных демократов и народников повлияли на мировоззрение ученых. Материалистическая направленность в исследованиях ученых-естествоиспытателей (Менделеева, Сеченова, Мечникова) сочеталась с философскими идеями, эволюционными и диалектическими представлениями. Шли поиски правильной методологии, давалась оценка научного познания, которое не может охватить все, но отдельное знание бесцельно. Здесь стоит обратить внимание на положения Д.И.Менделеева (1834-1907), который ставит вопрос: что же такое изучать в научном смысле? Его методологические идеи были изложены в качестве предварения или приложения к труду «Основы химии». Д.И.Менделеев излагает свои требования к научной деятельности: 1) определять и выражать качество неизвестного при помощи известного; 2) измерять все, что сможет подлежать измерению, показать численное отношение изучаемого к категориям времени, пространства, температуре, массе и т.п.; 3) определять место изучаемого в системе известного, пользуясь качественными и количественными сведениями; 4) находить по измерениям эмпирическую зависимость (функцию) переменных величин; 5) составлять гипотезы о причинной связи между изучаемым и его отношением к известному; 6) проверять логические следствия гипотез опытом; 7) составлять теорию изучаемого, т.е. выводить изучаемое как прямое следствие известного и тех условий, среди которых оно существует. Ученый признает, что при изучении чего-либо всегда останется нечто допускаемое как известное и признаваемое. Постулируются им также конечные цели научного изучения предметов: предвидение и польза. (11, С. 234-235) Собственно, здесь дан порядок действий ученого, характерный для классической картины мира с ее установкой на объективность, строгое следование методологии и количественные измерения.

Позже, в конце 19-начале 20 в. с появлением второго позитивизма, эмпириокритицизма, сохраняется вера в прогресс знаний, в истинность и силу науки, и возможность ее применения в социальной и нравственной сфере. Характерной является позиция П.А.Кропоткина (1842-1921), который стремился связать современное ему научное знание с теориями анархического коммунизма, а достижения науки и техники, связь умственного и физического труда он рассматривал как общечеловеческое богатство, которое должно принадлежать всем. Также он отмечал ускоряющее или сдерживающее воздействие на развитие науки в 19 в. революционных событий, либерального движения и реакции, говоря более современным языком, указывал на социальный контекст науки. Кропоткин не только сам занимался естественными науками, историей и литературой, но занимался историей и методологией науки.

В новых открытиях, сделанных в физике, химии, технике в конце XIX века он видел не кризис, не отвержение прежних знаний, не падение науки, а всего лишь «первое», «второе» или «третье приближение» к истине, к точности описания реальных явлений природы (См. 12, С.241). Наличие предела, границы делает науку юной и вечно привлекательной, но наука и раздвигает

постоянно свои пределы. Дальше лежит неизвестное, но не непознаваемое (Там же, С.565-566).

Истинно научным для Кропоткина было знание, основанное на индуктивно-дедуктивном методе изучения природы, систематичность и отсутствие метафизики. Вся Вселенная и все явления мира могут быть объяснены при помощи одного метода (Там же, С.252). Все может быть познано. Но отсутствие метафизики не означает отсутствия философии. Выступая против метафизических туманных понятий, Кропоткин подчеркивал осознание необходимости построения синтетической философии, систематической, объединяющей все наше знание и являющейся ключом к пониманию природы и общества. Попытки такого построения синтетической философии он видел в трудах позитивистов О.Конта и Г.Спенсера.

Поскольку автор придерживался принципа эволюционизма, он особо ценил Спенсера. Г. Спенсер сумел дать такую систему синтетической философии, в которой отразилась эволюция Вселенной, солнечной системы и нашей планеты, природы, общества и нравственности. Но и Спенсер, как считал П.А.Кропоткин, сделал ошибку, утверждая, что за пределами науки лежит нечто непознаваемое нашим разумом. Мыслитель был глубоко убежден, что если наука о Вселенной возможна, то между Вселенной и нашим мозгом, нервной системой и организмом существует сходство структуры. В ином случае мы никогда не могли бы знать ничего о законах и постоянных отношениях во Вселенной, не могли бы предсказывать явления. В природе нет ничего, что не находило бы себе эквивалента в нашем мозгу, в его физическом и химическом строении. (Там же, С.567). В силу того, что Кропоткин долгие годы находился в эмиграции, его основные работы, созданные в 90-х годах 19 в. первоначально публиковались на французском, английском языках, а на русском они выходили позже, и потому его взгляды на науку не были широко известны в России.

В 70-е годы XIX в. распространение позитивизма вызвало его философскую критику у В.С.Соловьева (1853-1900), выступающего против отдельного знания за цельную истину. Философское осмысление кризисного состояния науки (несмотря на все возрастающие успехи европейского и русского естествознания в отдельных областях) было сделано им в своих диссертациях. Кризис науки он видел в разорванности действительности на фрагментарные образования. Виды деятельности в отдельном человеке не связаны, ученые как будто живут в разных мирах, но отдельные знания ведут в тупик в развитии науки. Каждый говорит о своей теме, энциклопедизм уже невозможен, наука становится мозаичной. В более поздних работах и энциклопедических статьях Соловьев дает определение науки как знания и объяснения и отмечает признаки и функции науки.

Наука - это объективно-достоверное и систематическое знание о действительных явлениях со стороны их закономерности или неизменного порядка. Существенные признаки науки как таковой, или научности, Соловьев видел в двух условиях: наибольшей проверенности или доказательности со стороны содержания и наибольшей систематичности со стороны формы (что

указывает на надежность, определенную строгость и объективность науки). Соловьев постулирует неизбежную связь науки с философией, где окончательно проверяются понятия и принципы, которые безотчетно предполагаются разными науками. Там же сводятся к всеобъемлющему единству все частные обобщения этих наук. (13, С.127-128). Как мы знаем, одной из функций науки является объяснение. Но наука не просто объясняет существующее. Поскольку данная действительность еще не есть истина, то наука, по мнению философа, постоянно восстанавливает и исправляет подлинный вид вещей, когда объясняет их. (13, С.130) Можно сказать, что для философа наука не просто делает наши знания о мире более полными и истинными, но и изменяет сам мир.

Стоит указать, что критика позитивизма велась не только с позиции философии всеединства. Для Чичерина Б.Н (1828-1904), разделявшего идеи Гегеля, восхождение к единству знания связано с использованием диалектики. Выступая против позитивизма, отталкивающегося от опытного знания и устраняющего метафизику, философию. Чичерин заявлял, что в определениях нашего разума, в логической форме выражается реальная сущность вещей, единство, лежащее в основании явлений. Знание существа вещей, или понимание, есть знание начал, которыми вещь управляется. Но для нас понятны только логические законы и определения, составляющие суть нашего разума. Высшая задача науки заключается в приведении начал и законов, управляющих явлениями, к началам и законам разума, без этого все остается непонятным. С устранением философии, дающей свет нашему разуму, мир погружается в непроницаемый для нас мрак. Верховной целью философии и опытных наук должно быть сведение всех явлений к закону диалектического развития. От этой цели и философия, и действительная наука, идущие порознь, отстают далеко. Необходимо соединить рационализм и реализм в универсализме, вооруженным правильным методом. Этот метод требует точности в исследовании фактов и точности в анализе и синтезе понятий. Логические законы выражаются не в отвлеченной, а в конкретной форме, которую надо извлечь из фактов, найти опосредующие звенья. Только так можно найти реальные начала, которые объединяют явления и связывают их с умозрительными выводами философии (См. 14, С.92-94). Процесс человеческого познания мира, куда включаются религия, философии и наука, Чичерин рассматривал как восхождение к единству через смену синтетического и аналитического периодов. Несмотря на разность исходных философских оснований, Чичерин и Соловьев говорили о необходимости полноты знания, единства науки и философии.

Можно утверждать, что образ науки, как методологии, предлагаемый самими учеными и философами, довольно сильно отличался от того, который сложился в сознании неоднородной по своему составу интеллигенции. Даже из разночинцев выходили как профессора университетов с высоким уровнем знаний и идеалами служения науке, так и «вечные» студенты, малознающие, но полные желания критиковать и менять; как чиновники, служащие государству, так и революционеры, увлеченные различными идеологиями (от

анархизма до марксизма), желающие его уничтожения. Для того, чтобы понять и объяснить это различие, потребовалось время и социальные потрясения. Чрезмерная социальная оценка науки, ее нацеленность на служение народу были раскритикованы русскими мыслителями в сборнике «Вехи» после первой русской революции.

Как писал Н.А.Бердяев (1874-1948), европейские философские учения воспринимались интеллигенцией в искаженном виде, с игнорированием значительных явлений философской мысли. Все опрощалось и применялось к домашним условиям - научный позитивизм, эмпириокритицизм, неокантианство, ницшеанство, экономический материализм. «К «науке» и «научности» наша интеллигенция относилась с почтением и даже с идолопоклонством, но под наукой понимала особый материалистический догмат, под научностью особую веру, и всегда догмат и веру, изобличающую зло самодержавия, ... спасающую народ или пролетариат». Философ отмечал, что сами по себе ученые никогда не пользовались особым уважением и популярностью, науке обучались по Писареву и Михайловскому (15, С.19-20). Можно считать, что интеллигенция проявляла в максимальной степени тот дилетантизм, о котором писал еще Герцен.

Близок к Бердяеву в оценке сознания интеллигенции и С.Л.Франк (1877-1950). Как отмечал философ, смысл веры русского интеллигента есть благо народа. Но при этом профессиональная научная работа, деятельность, руководимая любовью к науке, отвлекает от служения народу, то есть оценивается не слишком высоко. В лучшем случае научные, эстетические и религиозные переживания относятся к частной жизни человека как роскошь, чуждость. От науки интеллигент берет несколько популяризованных искаженных положений. Гордясь «научностью своей веры» он отвергает научную критику, незаинтересованную работу научной мысли. Чистая наука, искусство и религия несовместимы с морализмом и служением народу. (16, С.174-175) Утилитарная оценка науки или искусства разрушает самое существо того, что зовется наукой или искусством. (Там же, С.177).

Утилитаризм, дилетантизм, незнание опасны для науки, но сам дилетантизм начинает переосмысливаться, он не является просто «интеллигентским просвещением», а связывается с тенденцией специализации наук. Так, С.Н.Булгаков (1871-1944) в лекции 1906 г. «Под знаменем университета» определяет важнейшее стремление и древних религиозных учений, и философских систем. Это - идеал целокупного, всеобщего, единого знания. Не знания, не науки, не частности, но знание, наука, универсум, вот что должно стать подлинной целью человека и культуры. К сожалению, отмечает философ, развитие специальных наук, точных методов, вся лавина современного многознания перекрыла единое русло человеческой мысли. Появилось представление, что хорошо знать что-то может только специалист, замыкающийся в своей специальности. Универсализм древности, средневековья и новейшей философии (представляемый философом в образе Фауста) кажется дилетантизмом или научным невежеством. Специалисты не страдают от своей специализации, а гордятся ею. Но ремесленный специалист не должен уни-

вать в себе мыслителя, и граница, очерчивающая круг данной специальности, не должна превращаться во внутреннюю ограниченность. Философ отмечал необходимость особого научно-философского настроения, философского отношения к знанию, которое позволило бы связать выводы специальностей с высшей проблемой - вопросом о человеке. Идеал университета и цельного знания отличается от настроений позитивизма, который успокаивает специалиста в его специальности. Плюсы в виде углубления в детали и накопления фактического описательного материала нейтрализуются отсутствием стиля науки, прочных традиций. Все это философ назвал прирожденным дилетантизмом, отмечая эти черты в общественных науках, в политической экономии (17, С.274-280). Мы видим, что Булгаков противопоставляет два понимания дилетантизма: критикуемый узкими специалистами универсализм не является для него дилетантизмом, дилетантизм - это отсутствие традиции и стиля. Как пишет Л.А.Микешина, понятие стиля применяется Булгаковым в методологическом смысле, как способ вычленения объекта и предмета науки (18, С.181).

Но если по большей части в дилетантизме обвиняли интеллигенцию (а не самих ученых), то после Октябрьской революции, это понятие может быть применено к другой социальной среде. Жесткая критика социализма (большевизма) в отношении культуры, науки начинается после 1917 г. в сборнике «Из глубины». Один из участников этого сборника, журналист А.С. Изгоев осмеивал противопоставление «буржуазной» науки «пролетарской», в чем он видел не только анекдотичность, но и попытку прервать преемственность научных традиций. Использование ученых в качестве чиновников власти – единственная традиция, по его мнению, которую большевики берут от царского режима. (Вспомним образ науки как государственного дела) Огромные культурные ценности - наука и искусство есть ценности создавшего их «буржуазного мира», которым душно в царстве социализма (19, С. 371).

Различие между реальной революцией и верой в революцию интеллигенции было столь существенным, что привело к разочарованию в прежних идеалах и кумирах. Как писал С.Л. Франк в 1923 г., идолопоклонство перед социальными идеалами привело к крушению и кумира революции, и кумира политики, культуры, науки. Пессимизм, безрадостность, скепсис, утрата веры в прогресс составляют новое мироощущение. Наука перестала быть для просвещенной, либеральной интеллигенции кумиром. Толстые научные книги, плоды прилежания и осведомленности, научные школы и методы не внушают прежнего почтения. «...Сколько ограниченности, бездарности, рутинерства, словесных понятий, лишенных реального содержания, скрыто в этом накопленном запасе книжного знания и как мало там свежей мысли, ясных и глубоких прозрений. Иногда кажется, что наука, к которой мы относились с благоговением неопитов и ученическим рвением есть только искусственный способ дрессировки бездарностей, что настоящие умные и живые мыслители выходят за рамки «научности», дают духовную пищу потому, что ничего не изучают и не рассуждают, а видят что-то новое и важное, чему не может научить никакая наука» ( 20, С. 140).

Можно сказать, что все восторги и разочарования интеллигенции, большинства (правда, не безмолвствующего), противоположного меньшинству профессионалов, сводились к желанию придать науке несвойственные ей моральные аспекты, ведь добро, справедливость, нравственная польза могут быть конечными целями людей, занимающихся наукой, а не науки как таковой, для которой высшей ценностью является истина. Наука, научное знание, научные идеи и результаты по-разному воспринимается людьми, и теми, кто производят это знание, и теми, кто распространяет и впитывает его. Столкновение оценок, порождающих различные образы неизбежно, и наука не может быть совершенно индифферентна к своим отображениям в многочисленных «зеркала» общественного мнения. Но образы меняются, а наука идет дальше.

## **2. Наука как функция жизни («всеединство» против неокантианства и прагматизма)**

Следующие образы науки складываются в творчестве русских философов 10-х годов XX в. В начале XX в. в России распространяются идеи второго позитивизма (Р. Авенариуса и Э.Маха) и неокантианство. Не менее важно и знакомство с философией жизни в трудах Ф.Ницше, А.Бергсона и с прагматизмом У. Джемса. Как отмечает П.П. Гайденко, для разных направлений философии жизни было общее понимание жизни как процесса, «непрерывного потока, который может быть постигнут изнутри, из ее непосредственного внутреннего переживания, интуитивно, а не с помощью рассудочного конструирования понятий и даже не с помощью философского разума» (См. 21, С.132). Для русских философов с понятием жизни были связаны культура, наука, творчество.

Гносеологические споры имели идеологическое (против ревизионизма) и политическое значение, связывались с уроками революции 1905 г., с идеями религиозного возрождения, христианской политики. Это уже другая эпоха, которую называют «Серебряным веком». Меняется умонастроение интеллигенции, а значит, изменился культурно-исторический контекст, на фоне которого и создаются мировоззренческие образы.

Неокантианство было не только чисто немецким явлением. Многие молодые русские ученые обучались в немецких университетах, посещали семинары у Виндельбанда, Вебера, Риккерта и перенесли их идеи в Россию, пропагандировали их в философских журналах. Ставится вопрос об истине, о смысле науки, противопоставляются аналитический и целостный способы миропонимания, логицизм и психологизм. Необходимо сопоставить множество форм знания, разобраться в их структуре, обозначить границу между наукой и философией. Для неокантианства наука есть в сущности система отношений, логических связей, некое чистое знание, она и должна изучать взаимодействия, связи и опосредования. История науки неотличима от истории логического, методологического мышления. Для русских же мыслителей наука есть не только знание, она предстает и как человеческая (а не чисто

субъектная) деятельность. Усиливается прагматическое измерение науки не в смысле оценки использования научных результатов как конкретной ее пользы (для народа, общества, государства, как это понималось ранее). Этот прагматизм был, скорее метафизического характера и позволял оценивать науку с точки зрения нравственности, культуры, веры или жизни. Критике подвергаются главным образом идеи представителей марбургской школы неокантианства, но и с философами баденского направления, несмотря на их попытки как-то связать науку с историей и с культурой, русские мыслители не согласны, предлагая свое решение проблемы.

Все это породило споры о ценности науки и жизни, в основании которых лежало противопоставление логического и алогического, жизни и творчества, отвлеченного «рацио» западной философии и божественного «логоса», с которым связана русская мысль. Достаточно яркой является реакция В.Ф. Эрн (1882-1917) (считающего себя близким по духу славянофилам с их идеей живой истины и целостности, а также философии «всеединства») на новый альманах «Логос», идеи которого он назвал греческой маской на немецком лице научной философии.

В статье «Нечто о логосе, русской философии и научности» (1910 г.) он пишет, что Россия всегда жила религией Слова, Логоса. Философия Логоса, которую он проводит от стоиков, Филона, Дионисия Ареопагита, Максима Исповедника, (естественно, прежде всего, от Гераклита) не исчерпывается идеями неокантианства. Рассматривая кантианство как завершение рационализма, Эрн противопоставляет рационализм рассудка и логос разума. Рационализм рассудка - отвлеченный, ведущий к ирреальности, к иллюзии действительности, к утрате природы и жизни, (т.е. к мезонизму – термин Эрн, означающий отрицание природы как Сущего и как трансцендентализм в кантовском и кантианском смысле). Логос как разум - насыщенный бытием, ведущий к конкретности и живой стихии. Для приверженцев Логоса истина онтологична, быть в Логосе и есть быть в Истине. Для рационализма истина есть призрачное соответствие чего-то с чем-то (22, С.79). Принцип «рацио» безрелигиозен, осознание логоса религиозно, поскольку логос- принцип объективно-божественный. (Там же. С. 72-87). Исходя из понимания Логоса, характерного для православия, всякая мысль логична, а значит «тонична», напряжена, активна и несет в себе внутреннюю свободу. В статье «Культурное непонимание» Эрн противопоставляет западноевропейское начало рацио антично-христианскому началу логоса как два познавательных начала. В человеческом сознании метафизическое целое Логоса разбивается на три аспекта. 1. Логос космический (в натуральных религиях, в искусстве, в творчестве поэтов). 2. Логос небесный открывается в христианской религии в подвиге титанического существенного просветления воли. 3. Логос дискурсивно-логический, материально связанный со всеми данными опыта, открывается в философии. По форме философия подчинена нормам дискурсивно-логического мышления, по содержанию связана с космическим и божественным логосом. Рацио - отрыв от корней и ветвей, от Земли и Неба. Рацио – отрыв дискурсивно-логического и целого разума и заполнение открываемой

бездны рядом мейонических мифов (в т.ч. о природе и человеческом «Я»). (22, С.113-125)

Подвергнув критике название альманаха, Эрн обращается к понятиям «наука» и «научная философия».

Все участники «Логоса», как пишет Эрн, - увлеченные сторонники идущего из позитивизма мифа о научности, единой нераздельной строго научной философии. Соединенные вместе понятия «наука» и «философия» взятые отдельно вполне определены и бесспорны, несмотря на их различное понимание. Фактическая данность их как объектов не подлежит сомнению. Но «научная философия» - это искусственно созданное понятие без реального объекта, наподобие «зеленой добродетели». «Научный» есть прилагательное от существительного «наука» и не имеет логического смысла, фиктивно. Эрн следует здесь формальной логике, полагая эти понятия несовместимыми, или даже несравнимыми, логическое умножение которых дает пустое множество.

Существует ли Наука, задает вопрос Эрн. Науки, в логически строгом смысле, т.е. единой, всеобщей науки не существует. Есть отдельные частные науки. Каждая наука в своем роде научна, имеет специфичную форму научности: математика математична, археология археологична. Настаивая, по сути, на тождественности понятия самому себе, Эрн исключает общность наук из области логики рассудка. Общее, что объединяет эти отдельные науки - не логически полученное объективное понятие научности, а психологически образованное субъективное понятие научного духа, который ненаучен. Тонос (под которым, по-видимому, Эрн понимает напряженность, энергию, активность, направленность) науки сверхнаучен. Материя каждой науки дана эмпирически, материя философии дана сверхэмпирически, потому элементы понятия науки нельзя перенести на философию, можно перенести лишь чистую форму научности. Но чистая форма есть не действительность, а возможность. Необходимо обратиться к внутреннему смыслу термина «научность», который не является только субъективным, или психологическим. (22, С.99-102) Для сторонников логоса понятие «научности» тонично. Тоническое не является энергией логического, но и не есть субъективно психологическое. Истинно логическое есть божественное, объективное, тонос логичности не есть субъективное и человеческое. Его природа двойственна, как платоновский Эрос. Мысль, одержимая Эросом, заражаясь божественным, становится божественной. Тонос научности не является принципом только человеческим, он несет в себе потенцию объективности, он внутренне присущ всем процессам человеческой мысли, находящейся в стремлении становлении. Но этой объективностью нужно еще овладеть. «Не мысль становится ценной оттого, что становится «научной», а наука становится ценной оттого, что реализует и укрепляет в человечестве «логичность», коренным образом осознаваемую философией. Итак, философия должна стремиться не к научности, а к объективности» (понимаемой Эрном скорее в онтологическом, а не в гносеологическом смысле). (Там же, С.103).

Участники «Логоса», по мнению Эрн, могут быть названы мечтательными романтиками неосуществимой «научности» (Там же, С. 108). Не признавая вечных отвлеченных статических ценностей культуры, науки и философии, Эрн утверждает вечную и абсолютную ценность жизни, творящей культуру. Культура со всеми ее элементами является лишь производной от жизни, как модус субстанции. Итак, для Эрн жизнь, мысль и производные от них философия, наука есть процесс, есть становление, стремление, нечто динамическое в противовес статическому.

Если отвлечься от полемического стиля Эрн, мы видим поставленную им проблему соотношения философии и науки, которая не может быть решена в рамках трансцендентальной (немецкой) философии, но ее решение в перспективе возможно в русской философии, под которой прежде всего понимается философия «всеединства» (вспомним, что «всеединство» не есть нечто замкнутое и завершенное, а есть эволюция и организация мира). Дальнейшее развертывание этой темы мы видим в творчестве С.Н.Булгакова, который принадлежал к этому направлению. Эрн, как видим, не принимал научную философию, Булгаков же помимо данного термина, который он считает также не совсем верным, пишет о философском наукословии. Для него пересечение философии и науки дает новое направление философской рефлексии – философию науки.

Как отмечает Л.А.Микешина, Булгаков ставит очень современные проблемы, о когнитивном и онтологическом статусе науки, о соотношении естественных и социальных наук, природе науки и жизни, научной картине мира; при этом «Булгаков, как «русский европеец», владел теми же истоками и предпосылками возникновения современной философии науки, на которые опирались и другие европейские философы разных направлений», оставаясь в то же время последователем В.С. Соловьева (См. 18, С. 180).

Обращение к философии науки осуществляется С.Н.Булгаковым в работе «Философия хозяйства» (1912 г.), он начинает со сравнительной характеристики научного и философского знания. Всякое научное знание частично, отрывочно, строится на предпосылках аксиоматического характера, всякое специальное исследование ведется не с начала, а с середины, и всегда догматически обусловлено. К аксиоматическим предпосылкам оно «прикрепляется как к якорю, забрасываемому в безбрежном море дискурсивного знания, в бесконечности возможных проблем и объектов науки». (23, С.56) Но очевидность всегда сомнительна. Одно и то же может быть очевидным для практика и представлять проблему для философа, например, исследование форм познания. Очевидность либо заставляет смотреть на некоторые положения как незыблемые и неопровергаемые, либо, как в специальных науках «начинают считать эти предпосылки доказанными и установленными именно в этой самой науке; в результате получается своеобразный и весьма характерный именно для нашего времени с его далеко проведенной научной специализацией догматизм специальных наук». Для его преодоления нужен

философский анализ (Там же, С.57) Каковы же основные положения Булгакова?

*1) ориентирование знания на жизни*

Для Булгакова философия не замкнута на самой себе, философское размышление всегда имеет присущую ему изначальную ориентировку (прямая отсылка к неокантианству), и этой последней целью и первоначалом оказывается жизнь. «По отношению к жизни все стороны бытия оказываются лишь частными определениями; воля, мышление, инстинкт, сознание, подсознательные сферы, даже самое бытие, связка *есть*, и предикат существования имеет смысл только по отношению к сущему - жизни, полагающей отдельные свои бывания или состояния как частные определения. Не существует бытия *in abstracto*, а есть лишь конкретное, для себя бытие, самополагающаяся жизнь» (Там же, С.60). Жизнь несет в себе сопряженные вместе логическое и алогическое, на двойственную природу жизни опираются интеллектуализм (родоначальником которого в новое время является Кант) и антиинтеллектуализм в философии как реакция и бунт против первого направления.

Рассматривая современное ему состояние философии как «эпоху болезненного, одностороннего интеллектуализма» (Там же, С.59), (что сравнимо с «рацио» у Эрна) Булгаков особо критикует научный рационализм в виде неокантианства «с его панкатегориализмом и панметодизмом, в современных «наукоучениях» или так называемой научной философии». В учении Когена, представителя Марбургской школы, он видит откровенную и решительную «ориентацию» философии на науку, и прежде же всего на математике. При этом понятия специальных наук с их абстрактными категориями получают значение высшей, единственно подлинной, насквозь рациональной, научным разумом или «мышлением порождаемой» из мэонического (относительного небытия, способного перейти в бытие) ничто действительности.

Отсюда следует, что наука есть сущность действительности, а философия, как система категорий, как самосознание научного разума, есть сущность науки. В рамках такого подхода все алогическое, иррациональное или устраняется, или вмещается в систему категорий и рационализируется. (Там же, С.64-65). Но возможен и другой подход, конкретный синтез алогического и логического, предпринятый в философских системах Шеллинга, Шопенгауэра, Гартмана, Соловьева.

Булгаков задается вопросом, можно ли считать какие-то философские системы обладающими истиной? То, что мысль есть всегда мысль о чем-нибудь, связано и со свободным, произвольным выбором этого чего-то, рефлексия есть акт свободы, существует множество путей мысли. (Там же, С.72) Увидеть мир в целом, минуя последовательное дискурсивное мышление, выходя из времени, может лишь Бог.

*2) Множественность истины и разграничение науки и философии*

Философ утверждает, что дискурсивное мышление - философия, а тем более наука - *множественно по своей природе*, а единая истина есть идеал

познания, имманентная как влечение и трансцендентная как данность. Различие философских систем зависит от исходной ориентировки. По поводу одного и того же объекта «с одинаковой верностью истине как идеалу познания можно, исходя из разных точек ориентировки, построить разные системы, научные и философские подобно тому, как одну и ту же гору можно измерять и снимать с различных сторон и точек, при неодинаковом освещении, и все эти проекции, при одинаковом объекте, хотя и будут различны, но не противоречивы». Философом утверждается эстетический релятивизм в философии, который принципиально допускает множественность философских путей, «превращающий философию в философии, как и науку в науки. Прогресс философии и науки основывается при этом не на единстве пути (чего мы не наблюдаем и в истории мысли), но на единстве функции философствования и познавания, как саморефлексии жизни, единой и непрерывной». (См. 23, С.73-74)

Сближение философии и науки ставит вопрос о разграничении и различии между ними. Объект исследования у них один – «жизнь в ее саморефлексии, и притом лишь в таких ее отдельных сторонах, которые могут быть сделаны одинаково предметом и научного исследования, и философского рассмотрения. Различие между философией и наукой заключается... в познавательном интересе, в способе подхода к объекту, в их проблемах. Они различаются и в том, что они видят в своем объекте, и в том, что о нем спрашивают».

Для Булгакова наука по своей природе всегда специальна. «Научное изучение есть изолирующее, сознательно одностороннее приближение к предмету.... Наука дробит жизнь, разлагая действительность на отдельные части, из которых она затем складывает свой механизм, а схему этого механизма в системе понятий она и дает в своих учениях. Сопредельное или выходящее за пределы данной науки для нее или вовсе безразлично, или же существует лишь постольку, поскольку врывается в ее специальное исследование».

Философия же интересуется связью данных явлений с общим и целым, рассматривает мир и отдельные его стороны как целое, философия ищет уразумения жизненного смысла и значения явлений, в отдельности изучаемых наукой. Булгаков делает важное замечание, что «сопредельное и запредельное для науки, то, что она молчаливо предполагает как свои предпосылки, - это и составляет как раз круг проблем философии». Так, политическая экономия и философию хозяйства, «имеют пред глазами один и тот же факт человеческого хозяйства, но одна рассматривает его в общем или мировом его значении, другая же подвергает этот факт детализирующему анализу, перед первую стоит вопрос: *что?*, перед вторую же: *как?*» (Там же, С.75)

Итак, есть истины, но возможна ли Истина? Как пишет Булгаков в главе «Природа науки», Истина не есть непосредственный предмет теоретического знания. Единая Истина чужда, трансцендентна дискурсивному знанию, а потому составляет только "идеал" знания. «Истина остается за пределами истории, непосредственно в ней дана не цель, но движение, и история

вытягивается в бесконечный ряд дискурсии в области знания и действия. Истина как таковая не вмещается ни в одно из этих частных целепоставлений, так что практически единой истины нет, существуют лишь истины отдельных наук и частные исторические цели». Философ отмечает основную и неустранимую антиномию научного знания: оно может существовать в предположении Истины, но дробит ее на «множество частных, специальных истин, или между собою несовместимых, или же, чаще всего, просто не имеющих между собою никакого соотношения, взаимно чуждых, подобно множеству протянутых над крышами большого города проволок, во всех направлениях и с различным предназначением». Картина сети этих обслуживающих город проволок, как уже проведенных, так и проводящихся (вместе с имеющими быть проведенными или вообще возможными в будущем), и есть точное изображение взаимного соотношения разных наук». (Очень современная метафора, прямо в духе постмодернизма ).

### 3) Специализация и синтез наук

Необходимость разделения труда и специализация знания привели к фактически самостоятельному и обособленному существованию отдельных наук. Как пишет Булгаков, без философских исследований возможности этой специализации и проистекающей из этого условности и относительности научных положений в силу их специального характера неизбежен скептицизм, вопрошающий «пред лицом этого бесконечного ряда специальных истин: "что есть Истина?" и пред лицом длинного ряда наук: "что есть Наука?" *Оправдание науки* - такова одна из важнейших проблем философского наукословия. Слишком легко и даже соблазнительно отвергать (еще побазаровски) Науку ради наук и Истину ради истин». При этом ссылка на единый идеал знания есть лишь неуместная наивная вера в синтез наук, примером которой может являться попытка преодоления раздробленности научного знания за счет классификации наук от простого к сложному (О.Конт) в виде лестницы и цепи силлогизмов.. (23, С.174-175). Нельзя и полагаться на единый метод, например, математический (Коген). Булгаков утверждает, что вне зависимости от математизации отдельных наук или их связанности, наука «не представляет собой правильной иерархической лестницы восхождения от простого к сложному или кругов, описываемых, хотя и разными радиусами, однако из одного общего центра. Скорее она может быть уподоблена множеству кругов, описанных из разных центров и разными радиусами и потому между собой неправильно пересекающихся, - словом, это не концентр, но лабиринт». (Там же, С.176) Несмотря на взаимную зависимость и обусловленность, в науке нет естественной иерархичности, которая позволила бы «подвести все науки под ясную, последовательно развиваемую схему или классификацию». Наука ускоренно развивается в сторону специализации. Она становится все могущественнее, при этом все специальнее и раздробленнее.

Но наука не может обходиться без истины, пользоваться только прагматическими критериями, иначе она придет к скептическому релятивизму.

Булгаков рассматривает прагматизм как важный симптом научного самосознания его времени - осознанную относительность научного знания, в котором принципиальном утверждается качественное различие частных истин и единой Истины. Чуждость этих положений Истине становится заметнее с углублением в логику науки и с усовершенствованием научных методов. (Там же, С.177)

Философ отмечает, что научные истины приобретают инструментальный характер, они обусловлены и зависимы от известного задания, причем научные теории получают значение лишь рабочих гипотез. Очевидность относительности научных истин привела к утверждениям о банкротстве науки или об ее прагматизме. Булгаков обращается к понятию картины мира и стилизации науки. Поскольку растущая специализация есть закон развития науки, научное знание само по себе, вне философии, не может быть синтезировано. Наука находится в эмпирии, в множественности. Науки сами создают для себя объекты, ставят свои проблемы, определяют методы. Значит, не может быть единой научной картины мира или синтетического научного мировоззрения.

«Каждая наука дает свою картину мира, устанавливает свою действительность, которая может сближаться, но может быть и совершенно далека от действительности другой науки. Каждая наука создает свой собственный космос, стремясь выработать законченную систему научных понятий. Каждая наука имеет свой стиль и по-своему стилизует действительность, так что "всякий факт может быть обобщаем на бесконечное множество ладов" (цитата из А.Пуанкаре)». Как отмечает философ, стилизация свойственна не только искусству, но и науке, как логическому искусству, творчеству из понятий. Поэтому картины мира при свете отдельных наук будут различны. Они могут соединяться, нанизываясь как бусы на нитку (прекрасное сравнение), но не образуя единого целого, эта целостность может быть частичной, локальной. Собственно, здесь мы видим идею многомерности и несоизмеримости научных методологий.

«Стилизация науки есть, вместе с тем, ее сознательная предвзятость и преднамеренная односторонность в отношении к миру: для геометра существует лишь известное пространственное тело, но безразлично, есть ли это тело человека, заводная кукла или манекен, а для механика существует сила, будет ли она человеческая, лошадиная или паровая, для статистика же существует счетная единица, все равно, разумеется ли под ней преступник или святой, идиот или гений, и т. д.» (23- С.178) Здесь стилизация выступает как способ идеализированного, абстрактного постижения мира.

Как считает Булгаков, картина мира условна, даже удобна, но неспособна адекватно отразить жизнь. Науки могут объединяться не содержанием, а «формальной своей стороной, своим *методизмом*, формально-логическими приемами образования понятий. Поэтому современные попытки "научной философии", или философии, ориентированной на науку, идут по пути панметодизма, методического единства наук, но ими уже не ставится идеал все-

общего синтеза научных учений» (Там же). Основой объединения наук для Булгакова может быть их субъект - человек как универсальное человечество, и их субстрат - Жизнь, которой они порождены. «Это жизненное, не логическое, но сверхлогическое единство наук в самом наукотворце и в материнском лоне жизни преодолевает их взаимную непроницаемость и раздробленность».

#### 4) *Антропологизм в науке*

Возвращаясь к неокантианству, Булгаков ставит вопрос об онтологичности и различии сверхнаучной и научной, категориально оформленной действительности. «Наукою ли в "чистой логике" устанавливается бытие, реальность, действительность, или же это лишь логические тени, предполагающие необходимо наличность отбрасывающих их предметов? Есть ли реальность "дифференциал" (по изобретению Когена), т. е. логически-математическое понятие, или же реальность "дана", хотя и в сыром виде? Или, говоря конкретнее, что более действительно: мое впечатление музыки и красок или же соответственные математические формулы звуковых и световых волн? Жизненно действительно только непосредственное переживание, прав лишь наивный реализм. Жизнь всегда наивна, как наивна всякая целостность и непосредственность. Научная же, условная, рефлексированная действительность всегда имеет значение лишь в известном смысле, в известном отношении». Если бы науке удалось воссоздать всю вселенную как некую конструкцию, это нисколько не угрожало бы жизни, «как пейзаж не становится менее красочным и прекрасным оттого, что подвергается во всевозможных направлениях топографическим съемкам и изображается на разных планах» (Там же, С.179)

Фактом современного ему научно-философского сознания Булгаков считает относительность, условность, антропоморфность научных положений. Наука строится человеком, но не открывается в нем (как полагает позитивизм). Человек не пассивный субъект, но и природа не пассивный объект, порождаемый познающим субъектом (как в кантианстве). Критическое наукословие породило проблему оправдания науки, подчеркнуло инструментальный, условный характер понятий каждой отдельной науки, что приводит к скептическому отношению к ним. В этом, по мнению Булгакова, идеализм сближается с прагматизмом, оба они есть формы релятивизма в науке, хотя вытекают из разных предпосылок. Оба эти направления очеловечивают знание, подчеркивают значение формально субъективного фактора научного познания (считая его выше-человеческим). «*Антропологизм в науке* - вот общий итог гносеологического идеализма и позитивистического прагматизма. Проблема науки приводится к загадке о человеке, наукословие становится отделом философской антропологии. Человек есть науко-творец, ... способное к науке существо». (Там же, С.181-182) Человек как человечество творит не только науку, но и все, что ему нужно для жизни. Отсюда пе-

реход к еще одному рассмотрению науки как деятельности всего человечества, хозяйствующего в мире.

### *5) Наука как хозяйственная деятельность*

Наука рассматривается Булгаковым как общественный трудовой процесс, направленный на производство идеальных ценностей, знаний, полезных для человека. В этом смысле она есть органическая часть всей хозяйственной деятельности человека, направленной на поддержание и расширение жизни. Постепенно происходит дифференциация хозяйства и выделение производства познавательных ценностей в самостоятельное существование. Труд, затрачиваемый на науку, преследует цель накопления знаний (как вещественного богатства или материальной культуры) и упорядочение в понятиях и закономерностях (как капитализация продуктов труда). Все это связано с хозяйством. Философ проводит интересные аналогии. Открытие и установление фактов расширяет и углубляет мир, возможность, универсальность жизни. «Как рудокоп своей киркой высекает из скал новые руды, так и научный работник вызывает из тьмы новое бытие, которое он не творит, но выявляет, как бы освобождает к жизни. Труд этот ведется по определенному, строгому плану, с применением утончающих и обостряющих наши чувства инструментов и экспериментов, согласно установленным правилам (методам), как бы одним коллективным работником; научная кооперация представляет собой пример кооперации вообще. Благодаря этому отдельные науки оказываются как бы кладовыми жизненного опыта, в котором трансцендентальный субъект науки, человечество, в противоположность отдельным, эмпирически обусловленным и ограниченным индивидам получает осязательное бытие, из сверхопытного становится почти эмпирическим. Как сокровищница знаний, наука есть некоторый конденсатор жизненного опыта» (См. 23, 184-185)

Упорядочение знаний идет в научных гипотезах. Орудие науки при этом есть понятие, символизирующее неопределенное количество однородных явлений и сжимающее их в закономерности. Научные понятия, правильно, т. е. целесообразно созданные, представляют собой уже конденсатор не только жизненного опыта вообще, но и научного опыта. Из целесообразно созданных понятий слагаются научные теории, которые, стремясь связать между собою понятия и представить их в простой формуле закономерности, являются, в свою очередь, конденсаторами для этих конденсаторов и, следовательно, в еще большей степени конденсируют жизненный опыт (Там же).

Наука отвечает на практический вопрос жизни, предшествующий науке, вызывающий к существованию отдельную науку. Как пишет Булгаков, «история науки отнюдь не свидетельствует о последовательном логическом развитии наук, как оно вытекало бы из их теоретического взаимоотношения, напротив, толчки жизни, практические нужды вызывали в различные эпохи развитие разных отраслей знания. С особенной ясностью это можно видеть

на развитии естественных и технологических, а также и социальных наук в 19-м веке». Но наука и сама находится в живом взаимодействии со всем существующим, возникновение наук происходит путем некоторого отбора, когда «из бесконечного моря Возможного опыта берутся лишь определенные темы. Вопросы жизни, возникающие из определенного интереса, наука формулирует по-своему удобным для себя, технически целесообразным способом, но она все же при этом не изменяет этому интересу, как всевозможные медицинские дисциплины служат лишь одной жизненной задаче - поддержанию человеческого здоровья» (С.186-187).

#### *б) Теоретические и прикладные науки*

Несмотря на привкус хозяйственности, наука также имеет свою собственную логику развития, порождающую с внутренней необходимостью те или иные научные построения, иногда совершенно теоретического характера. Но при более широком рассмотрении, можно убедиться в наличии практических мотивов в происхождении и таких построений. Методологической ошибкой будет всецело объяснять ее хозяйственными побуждениями в узком смысле слова. Правда, значительная часть наук, рассматриваемая в целом, в практическом их применении имеет хозяйственно-технологический характер. Булгаков утверждает, что естествознание, как математическое (в том числе и чистая математика), так и описательно-экспериментальное: техника, сельское хозяйство, медицина, транспорт, - все это стоит в прямой связи с хозяйством. Практический характер имеют социальные науки. Булгаков признает некоторую правоту экономического материализма, связывающего развитие технических и социальных наук с капиталистическим хозяйством. Наука и техника (не в узком, а в самом широком смысле слова) находятся в теснейшей связи между собой. Технологический характер науки - одно наиболее важных свойств научного знания, с которыми должна считаться философия науки, но не следует распространять этого на всю науку и прямо ставить знак равенства между наукой и техникой, направленной на разрешение хозяйственных задач. Могут быть и иные интересы практического, мировоззренческого характера, которые тоже разрешаются в науке. (23, С.187) Булгаков ставит вопрос о гуманитарных науках, которые не есть науки о высших ценностях, а связаны с потребностями человека.

Гуманитарное знание, история, филология, философия, искусство не отрываются от корней жизни с ее практическими интересами, но идеальный, духовный характер этих потребностей не позволяет отнести их к знаниям технического, прикладного, хозяйственного характера. Как утверждает философ, состав наук отражает потребности человека, творящего науки в соответствии своим надобностям как практически-хозяйственного, так и идеального характера. Невозможно только одно: чтобы могла появиться и существовать наука, которая не служила бы никакой потребности, ни практической, ни идеальной, и которая была бы поэтому никому не интересна и не нужна.

Итак, утверждает Булгаков, науки *рождаются* от жизни, а дальше развиваются уже по своим законам и ведут самостоятельное существование. Наука есть атрибут человека, его орудие, которое он создает для тех или иных задач. Наука насквозь антропологична, и насколько трудовая актуальность и хозяйственность есть основной нерв человеческой истории, то наука и хозяйственна, или прагматична. Чтобы понять науку, надо обратиться к пониманию человека. Не наука объясняет в себе человека, но человек объясняет собой науку. Философия науки есть отдел философской антропологии. (23, С.188)

### 7) Критерии науки

Поскольку наука имеет двойственный, объективно-логический и прагматический, характер, ее критерий двойственен. Она должна «оцениваться не только со стороны логической правильности своих заключений, их последовательности, целесообразности, экономии мысли, изящества, стройности, но и со стороны своей практической, ориентировочной годности. Поскольку двойственен критерий науки, двойственна и природа научной ошибки или заблуждения. Научная истина не только логична, но и хозяйственна» (Там же). Как утверждает Булгаков, это можно пояснить даже на примере математики, которая рассматривается иногда как логика наук и считается цитаделью чистой научности. Так, Пуанкаре, которого философ считал одним из крупнейших современных ему математических мыслителей, раскрывает в доступной для всех форме хозяйственную природу даже математического мышления. Речь идет о неевклидовой геометрии Лобачевского и Римана, логически последовательной, но основанной на иной системе аксиом. Как известно, Пуанкаре считал геометрические аксиомы, определяющие множество возможных геометрий, условными положениями. При выборе условий мы руководствуемся фактами, но сам выбор свободен. Аксиомы геометрии есть замаскированные определения. Вопрос об истинности той или иной геометрии не имеет смысла, речь идет об удобстве, что решается опытом. Булгаков видит здесь проникновение прагматизма в самое сердце научного мышления - в математику. «Да и огромное значение математического метода вообще в науке основано также на соображениях практического удобства - сведения качества к количеству и применения меры и счета, где и насколько это только возможно. Однако за этими пределами приложение математики становится бесполезным и даже вредным, превращается в карикатуру. Типичный пример - моральная арифметика Бенгама, где сделана попытка применения числа к этике». Также не согласен Булгаков и с современной ему попыткой пользоваться математикой в логике, с желанием в политической экономии «создать тоже нечто вроде высшего исчисления человеческих потребностей, полезностей, оценок. К подобным построениям должен быть применен прагматический критерий со всей беспощадностью: при всей стройности, логической последовательности, может быть, даже и остроумии этих построений

они бесполезны, ибо не имеют ориентирующей ценности, а потому должны быть признаны научными заблуждениями». (Там же, С.188-189).

### 8) Софийность науки

Полезность не может быть критерием истинности и объяснить логическую принудительность выводов науки. «Научные положения, каковы бы они ни были по своему происхождению, неоспоримо имеют качество логической обоснованности, которое только и создает научную достоверность, устанавливает их значимость». (23, С.190). Булгаков пишет об объективно-логической связи, логике идей, опирающейся на логику вещей, отмечая заслугу Гуссерля в защите чистой логики. Эта связь пронизывает бытие и сознание, субъект и объект, предполагает некоторое тождество бытия и сознания. Именно она сообщает науке ее научность и предохраняет от субъективности и своеволия. Прагматичность необходима науке при установлении своего объекта и проблем, но дальше действует необходимая, не прагматичная, чистая логика. Эту логику Булгаков рассматривает как идеальную структуру познания и транссубъективную связь вещей. Действительность логична и связна. Связь не является неизменной в своих формах и обнаружениях, она множественна и многообразна. Поэтому ее можно устанавливать под разными формами, разными методами, на разных объектах. Есть универсальная связь всего со всем. «Без этой связи не было бы ни тождества, ни различия. Но эта связь *есть*. Есть Логос мира, и по силе его есть и логика вещей, и логика наук, и логика действий: все находится во всепроникающей связи. Ибо мир в своей положительной основе есть не Хаос, но София» (С.191).

Положение о софийности науки Булгаков противопоставляет скептическому прагматизму и догматическому позитивизму. Наука принадлежит миру неистинному, дезорганизованному и миру Софии, абсолютному организму. На науке лежит печать истинности, Истины в процессе, в становлении. «Она ограничена, относительна, инструментальна, но в то же время по мере ее поступательного развития спадают все новые покровы, закрывающие Истину от наших глаз, чрез нее просвечивает Истина...» (С.192) Философ полагает, что формально истинность научных положений защищается логикой, ее идеальное и реальное значение основано на изначальном тождестве субъекта и объекта. Но субъективное и объективное являются сознательными или бессознательными проявлениями одного начала, лежащего выше их различия и противоположения. По содержанию истинность науки обосновывается софийностью, организующей силой Софии. В науке выражается пробуждение мирового самосознания, совершается реальный прогресс. Единая наука существует не как единое знание, но как единая деятельность, как фактор хозяйственного процесса. «Наука есть орудие оживления мира, победы и самоутверждения жизни. Ее положительный итог тот, что мир косный, мертвый, непроницаемый все более теряет эти черты и уступает надвигающейся жизни». (Там же).

Гносеология и праксеология оказываются связанными. Как пишет Булгаков, возможность технологии, превращение знания в действие показывает транссубъективный характер научного познания. Логическая связь понятий обеспечивает техническую годность познания. Техника логична или логика технична. В науке строятся не только логические модели действительности, но и создаются проекты воздействия на нее. Эта связь моделирования и проектирования требует философского истолкования (23, С.193). Кант поставил вопрос о моделировании, а Шеллинг попытался прорваться к действительности. Знание не существует как чисто теоретическое, это абстракция, оно входит как момент в трудовой процесс жизни.

Начальная непроницаемость, противопоставленность субъекта и объекта – это подготовительный этап. Когда все внимание переносится на изучаемый объект, а субъект как будто исчезает, мы имеем научное отношение к миру, чистую науку. Но это только момент жизни. Наука не может законодательствовать над жизнью, она есть служанка жизни. «Наукотворчество неизмеримо уже жизни, ибо эта последняя есть живая, непрерывно осуществляемая субъект-объектность, субъект и объект в их полярности и в их живом единстве, выражающемся не в научном познании, но в хозяйственном действии. Наука же - только объектна. Объективность, безличность считается достоинством науки, и она должна быть, действительно, безлична (бессубъектна, внесубъектна) и объектна, в ней субъект временно, конечно, выходит из себя и полагает себя в объекте, пребывает в объекте, так что остается как будто один только чистый объект» (23, С. 199)

Мир науки – это царство теней, мертвая пустыня. « Жизнь бежит, потому что ей негде поместиться в этом царстве теней, бессубъектных объектов, овеществленных абстракций, и самая жизнь рассматривается здесь тоже лишь как объект, т. е. как механизм, или машина. Научно понимать жизнь значит механически ее истолковывать, значит превращать организмы в машины...». (Там же) Все, что носит печать субъекта, несовместимо с научным, чисто объектным отношением к миру. Для Булгакова научный позитивизм и критицизм в форме «научной философии» есть философия чистой объектности, бессубъектного опыта, где мир есть механизм в онтологическом смысле. Будучи порождением жизни, наука превращает мир в безжизненный механизм. (С.199-203). Механизм и организм, необходимость и свобода, жизнь и смерть взаимно ограничивают и обуславливают друг друга, но жизнь оказывается сильнее.

Сама наука не может понять себя, объяснить свою природу, не вступая на путь метафизики. Что есть наука как знание, для ответа на этот вопрос необходимо самосознание науки. Знание есть деятельность, но оно не имеет чисто объективного характера, оно имеет объект перед собой. Значит, знание есть постоянно осуществляемое, становящееся тождество субъекта и объекта, переходящее в связь вещей, логос мира. Изучение мира, пишет Булгаков, со-

здает мою картину мира, где все мы находим в себе самом. Всякое знание есть самосознание. Подлинное самосознание мира – в Софии, «в идеальном досознательном тождестве и самосознании мира», творчество – софийное сознание. Наука выступает как протоколы обнаруживающейся софийности мира, это хозяйство разума в природе, в ходе которого наука движется к идеальному космосу, Софии, подлинному единству мира (С.209-211)

Обратимся и к представителю оспариваемой позиции, участнику журнала «Логос», немного кантианцу и гуссерлианцу Ф.А. Степуну (1884-1965), издавшему в 1913 г. работу «Жизнь и творчество». Если для Булгакова познание движется к тождеству, то для Степуна процесс познания исходит от единства переживания, жизни к поляризации, дуализму творчества, где среди его форм пребывает культура и наука. Это движения познания может иметь философское осмысление. Степун использует понятие научной философии как дискурсивного, понятийного знания, представляющего из себя систематизацию критериев истины и лжи. Подлинной задачей философии до и после Канта является узрение абсолютного, но первичное постижение абсолютного происходит и в конкретном творчестве. Кант, по мнению философа, слишком большое значение придал абсолютному как форме, полагая оформляемое случайным. (См. 24, С.141-142) Стремление философии вырваться из форм абсолютного и войти в само абсолютное, которым оказывается жизнь как единство и беспредельность, философ рассматривает как реакцию на критицизм Канта. Абсолютное содержание жизни пытался осмыслить немецкий романтизм, философски осилить жизнь пытался Гегель, но эти попытки не увенчались успехом. Позитивизм утвердил аналитические методы как самодовлеющие и противопоставил их тяге к синтезу. Все это породило тоску по конкретной философии, по защите целостности и жизни, что отразилось в прагматизме Джемса и А.Бергсона. ( Там же, С.144-146). Собственно, противопоставление формы и содержания является у Степуна методологическим принципом.

Мир может постигаться в разных формах, но переживается он как единство, целостно, иррационально, вне понятий. Как же можно постичь эту целостность, если не опираться на мистику, а обратиться к логике? При этом начало целостности не должно превратиться ни в прямой объект философского познания, ни в потенциальную сущность познающего субъекта, (иначе придется вернуться к докантовой метафизике объекта или выйти к послекантовой метафизике субъекта), значит, оно выпадает из сферы философского познания. Любое философское творчество есть форма, а жизнь всегда есть противостоящее содержание. И жизнь, и творчество для Степуна неразрывно связаны с переживанием. Одинаково переживается нами физические вещи, психические процессы, бескорыстное чувство, расчетливая мысль, объективная истина, субъективное мнение. Но переживание в отличие от переживаемого в нем никогда не может стать объектом знания, но само постоянно дарует человеческому знанию его объекты (Там же, С.148-150) Понятие «пере-

живание» логически неопределимое, но может быть описано феноменологически. Структура переживания круговая, конец переживания повторяет в некотором смысле начало, пассивность переходит в активность, где есть мир и я, его переживающий. Середина переживания представляется некой паузой сознания, неразделенностью мира и я, целостностью. Она не прояснена, непонятна. Полюса переживания должны быть выражены в понятиях, само же переживание уловить, понять нельзя. Попытка осмыслить полюса приводит к субъект-объектному дуализму, которую философ именуется областью творчества. Середина как целостность, всеединство, нерасчлененность называется им областью жизни (Там же, С.152-155).

Сфера жизни, распадаясь на субъект и объект, неодинаково и многообразно, переходит в сферу творчества. Жизнь может творчески определяться в образах науки, философии, искусства, религии. В образе науки жизнь утверждает субъектом своего самопостижения научное сознание, а в образах философии, искусства, религии, соответственно философское, художественное, религиозное сознание. Все, что не стало субъектом, встает в область объекта. Поэтому жизнь в своем творческом самоопределении является и системой научных законов, и организмом философских понятий, художественным образом и предметом религиозного обоготворения (Там же, С. 166-167).

Как пишет философ, методологические транскрипции переходов от переживания жизни к переживанию творчества означают, что любая форма творческого самоопределения жизни может быть логически утверждена как центральное понятие философского мировоззрения. Сциентизм, критицизм, эстетизм, религиозный догматизм – это все философские рефлексии на научное, философское, художественное и религиозное самоопределение жизни. Каждое из них имеет свою относительную правду и неправду. Так, для философского сциентизма это открытие мира как научного понятия, и предположение, что мир исчерпывается категорией теоретического понимания. (24, С.167-168). Сфера творчества предстает и как самоорганизация человека, как личности и как человечества, результатом является появление культурных благ или ценностей. В ценностях организуется внутреннее состояние отдельных личностей, их взаимоотношения, а также это состояние приобретает характер предметности. Научно-философские ценности строят культурные блага точной науки и научной философии. Наука и научная философия дискурсивны, формируются в понятиях, «...наука завершается лишь в научной философии, ибо многообразные сведения точных наук становятся действительным знанием лишь при условии их философской организации, т.е. при условии указания каждой науке ее прав, но и ее границ, а всей сфере науки ее безусловности, но и ее ограниченности. Говоря иначе, сведения наук становятся подлинным научным знанием лишь при условии гносеологического анализа самой категории научного познания». Эстетически-гностические ценности строят культурные блага искусства и символически-метафизические системы философии. Искусство таит в себе метафизический

гнозис, а метафизика построена по образу и подобию художественного произведения. Оба они живут интуицией и строятся в образах. (Там же, С.171 - 172).

Поскольку вся сфера жизни знаменуется идеей положительного всеединства, а сфера творчества - категорией дуализма, можно, считает Степун, рассмотреть отношение каждой группы творчества к жизни именно как отношение типизированной и специфизированной категории дуализма к всегда самотождественной идее единства. В этом смысле структура научного творчества также есть дуализм формы и содержания, непостоянный, расторгимый и временный. Это и есть эволюция науки, когда одно и то же содержание мыслится бесконечно переливаемым во все более адекватные формы. Наука вечно самораскрывается, утверждает идею бесконечности. Будучи формой дуализма, наука отрицает жизнь, но и жизнь есть сфера, где умирает творчество. Эволюционность науки, ее бесконечное переоформление своих содержаний, приводит к тому, что все ее суждения, формулируемые законы, построенные теории лишь временно верные или окончательно неверные. Естественно, встает вопрос об истине. Как пишет философ, «...всякая эмпирическая наука, всякая наука, применяющая априорные законы мысли к эмпирически наличному материалу, знает в каждую минуту своего развития в сущности лишь то, что есть некая *абсолютная истина*, и то, что относительная истина вчерашнего дня сегодня уже безусловно не истина. Это значит, что предикат абсолютного относим в науке всегда лишь к *форме* истины, но никогда не к *конкретному содержанию*. Ни одно из конкретных положений науки не может никогда утверждаться в качестве последней, и не сменяемой истины. А потому и вершина всех положительных наук, т.е. научная философия никогда не может быть *системой положительных истин*, но лишь *систематизацией критериев истины и лжи*» (24, С.173)

Итак, наука самопротиворечива, живя дуализмом относительности содержания и абсолютности формы, она стремится уничтожить этот дуализм, абсолютизировать свои конкретные положения, стремится к своей положительной истине. В идеале она стремится уничтожить свою сущность, саму себя. Но ни одно положение науки не замыкается на самом себе. Наука всегда есть преемственность, любое научное положение всегда представляет собой часть целостного космоса науки и живет своим отношением к другим частям. Как же наука относится к жизни? Они взаимоотрицают друг друга. Наука есть принципиальный дуализм, жизнь всегда есть единство. Наука тяготеет к жизни, хотя и искажает ее, как бы предчувствует мистическую бесконечность жизни в бесконечности своего развития (24, С. 174-175). Но дуализм формы и содержания при переходе к человеку превращается в единство, ибо человек творит и сам себя, и ценности, а при переходе к жизни как бы погашает себя и как творца, и как творение. Человек знает только два принципиально отличных переживания. Первое – переживание творчества, когда он переживает мир, себя и полноту отношений между собой и миром. Вто-

рое – переживание жизни, когда человек ничего не знает о себе, мире, отношении с миром, о том, что он переживает (Там же, С.177).

Итак, и жизнь, и творчество есть постоянный процесс единения и взаимного отрицания, в ходе которого происходит самоопределение человека как творения и творца. Переживание жизни Степун считает более значительным и глубоким, чем переживание творчества, по сути религиозным переживанием Бога, как подлинного единства. Но приравнивание жизни к Богу не означает рассмотрения творчества как отпадения от Бога и самоутверждения человека. Человек не может ни отказаться от творчества, ни полностью погрузиться в эту сферу, поскольку это искажает образ жизни и Бога (Там же, С.180-182).

Мы видим, что, несмотря на определенные различия в концепциях у этих трех философов (В.Эрна, С.Булгакова, Ф.Степуна), жизнь выступает как само бытие, но не статичное и вечное, а находящееся в становлении и постоянном развитии. Сущностью жизни как единства является бог, который также может быть назван Логосом или Софией. Жизнь как космическое динамическое начало, как единство рационального и иррационального, показывает себя в разнообразных и множественных формах в любой деятельности человека - хозяйственной, творческой, познавательной. Сама же деятельность человека противоречива, дуалистична. Это дуализм формы и содержания, субъектного и объектного отношения, ratio и рассудка. Истина – в самой целостности жизни, поэтому все тяготеет к этой истине, любит ее, но обладает в каждый отдельный момент лишь частичной истиной. Наука также является результатом человеческой деятельности, она противоречива и множественна, едина она лишь тем, что является функцией жизни, производна от жизни. Теоретическое, понятийное осмысление науки возможно посредством философии. Термин «философия науки» представляется более предпочтительным, чем спорный (в силу того, что во многих философских направлениях в него вкладывается разный смысл) термин «научная философия».

### **3. Наука как система терминов и символов**

Философию и науку роднит логическая составляющая. Наши мысли и знания, образы и представления выражены в понятиях и высказываниях, именах и символах. Без их правильного употребления невозможно получить правильного, четкого знания, выразить мысль строго и определенно. Хотя учение об именах разрабатывалось в античности и средневековье, особое значение оно получило в философии нового времени, тогда, когда и появилась наука.

Имя всегда связано с тем, что может быть названо. Обозначаемый именем предмет называется денотатом, то есть у имени есть предметное значение. Здесь всегда есть опасность онтологизации. То, что названо, как реальный предмет, представляется некоей действительностью, телесностью, суб-

станциальностью, набором свойств и качеств. Предмет должен так или иначе созерцаться, представляться в качестве образа. Но не менее важным является и наличие смысла, как способа указания денотата, а это уже мыслимое разумом или конструируемое рассудком. У одних имен есть денотат, но мало смысла, другие, дескриптивные, не только указывают на денотат, но и указывают на его признаки, но бывают имена, имеющие смысл, но не имеющие денотата. Неправильное употребление имен и избавление от пустых имен всегда было задачей философов, но начиная с 18 в., когда появляется европейская наука в ее современном понимании, это стало особенно актуально.

Если обратимся к представителю английского эмпиризма Т. Гоббсу, то в его «Левиафане» мы встречаемся с учением об именах, имеющих значение (имена тел или материи, имена акциденций или свойств тел, имена наших представлений или восприятий, имена имен и имена речей). Слова, не имеющие значения, или пустые звуки бессмысленны. Имена служат метками для воспоминания в процессе размышления и знаками для передачи другим людям своих мыслей и чувств. Многие ошибки и абсурдные заключения происходят от отсутствия определений, установления значения слов и от неправильного употребления имен. Размышление - это процесс сложения, вычитания, исчисления имен. Научное знание основано на подходящем употреблении имен и правильном их соединении, наука есть знание связей и зависимостей фактов. (25, С.193-208)

Б. Паскаль, последователь рационализма, особо обращал внимание на истинность и строгость геометрии, которая признает номинальные определения, определяет вещи в известных терминах. Используемое имя лишается другого смысла, кроме единственно предназначенного для краткости и четкости. Эти дефиниции могут быть произвольными, лишь бы не было двусмысленности и смешения следствий. Но требование все определять не может быть применено к первичным терминам и началам, которые ясны и не требуют разъяснений и доказательств. Особо сложно определять время, движение, пространство; те предложения, в которых пытаются это сделать, оказываются не определениями, а положениями, требующими доказательств. Отсутствие определений в геометрии не недостаток, а указание на высшую очевидность. Отсюда требование Паскаля не определять ясные термины, которые нельзя выразить другими словами, не вводить темных или двусмысленных терминов без дефиниций и использовать в определениях совершенно известные или объясненные термины. (26, С.210-230). Как видим, интуитивная ясность не требует определений и разъяснений, но позволяет некоторую не замутняющую ее произвольность названий.

В немецкой философии научное знание либо сводилось к системе суждений как априорных положений-законов или предположений, либо возвращалось к понятию, несущему в себе все возможные определения и развертывания. Но требование строгости и общезначимости научных положений предполагало какие-то неизменные основы, допустим, в виде единого представления о пространстве и времени и какой-то единой логики. Без этого не-

возможно трактовать данные опыта просто и точно, невозможна методология.

Понятно, что наука, постоянно вводящая новые термины по мере расширения знания, сталкивалась с многозначностью. Требование однозначности, формализации предложений привело в XIX в. и к появлению математической логики, имеющей дело не с естественным, а с искусственным языком, и к исследованию знаковых систем. Но уже в середине 19 в. появляются воображаемые геометрии, конструирующие иные пространства, а в начале 20 в. воображаемые логики. Простое, ясное, рациональное описание опыта прямым образом естественным или, опосредованно, искусственным языком, в виде определенных знаков невозможно. Нет фактов без осмысления, нет гипотезы или теории без смысла.

Тождество смысла ведет к тождеству значения, обратное не всегда возможно. Но дело в том, что смысл — это скорее вопрос мировоззрения, а не вопрос существования или качеств самого мира. Значимость смысла может иметь теоретический характер, но может и выступать как ценность или польза. Смысл может сливаться с предметным образом, но может и различаться. Понятия науки становятся не просто знаками предметов, свойств или отношений, а символами, создаваемыми и осмысливаемыми.

Представление науки как символического языка возникает под воздействием как неокантианства, так и второго позитивизма, или эмпириокритицизма. Распространившийся в конце 19 - начале 20 в. эмпириокритицизм указывал, что научный опыт состоит из нейтральных элементов, выраженных строгим научным языком. Сами научные теории должны быть простыми, удобными, экономными. Нет деления научного опыта на психическое и физическое, но есть координация объекта и субъекта науки. Хотя критика опыта и была направлена на борьбу с метафизикой, тем не менее, в эмпириокритицизме научное знание рассматривалось как мировоззрение, описание мира на основе синтеза результатов частных наук. Русские философы «Серебряного века» были хорошо знакомы с трудами философствующих ученых Э.Маха, В. Оствальда, А.Пуанкаре, П.Дюгема как в подлиннике, так и в переводах. (Нас сейчас не интересует идеологический и политический аспекты споров по поводу реальности физических понятий и оценка партийной принадлежности их участников. Исследование философских, в т.ч. гносеологических оснований учения Маха об элементах опыта и его российских последователей было выполнено В.И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм».)

Многие приверженцы символического истолкования науки обладали достаточным образованием в области математики, физики, естественных наук. Поэтому понятия материи, энергии, пространства, времени для них имели не только философское, но и естественнонаучное наполнение, а различие первой и второй физических картин мира было достаточно ясным. Но символизм имеет прежде всего художественные и религиозные корни и рассматривает особого рода реальность- реальность языка, слова, образа и звука, в которых живет истина и творится красота. В русской культуре слово, речь

имеет прежде всего магическое, творческое значение, несет определенного рода энергию.

Что представляют из себя научные понятия и законы науки, имеют ли они онтологический статус? Как уйти в описании от психологизма конкретного опыта? Что значит определить логически суть, основу, возможно ли единственно истинное истолкование того или иного процесса на языке науки? Как соотносятся наука и мировоззрение в целом? Символизм предлагается как путь выхода из спора номинализма и реализма, эмпиризма и рационализма, ибо позволяет построить мир, производный от человека не в узко гносеологическом или социальном смысле, а предельно широко. Как пишет О.Б.Панова символ для русских мыслителей «является «посредником» между бесконечным и конечным, вечным и временным, истинным и кажущимся, ноуменальным и феноменальным...русский символизм предстал в качестве целостной мировоззренческой концепции, миропонимания, в основе которого - особая онтология символа...» (См. 27, С.56).

Допустимо ли однозначное определение понятий, и возможно ли «научное мировоззрение», задумывался один из русских символистов, Андрей Белый (Бугаев Б.Н., 1880-1934). Рассматривая генетическое развитие науки Белый утверждает, что знание рождается из незнания, точное знание рождается из неточного путем ограничения объекта знания. Определенная точка зрения породила науку и развилась в метод. Научные методы и принципы отдельной науки превратились в самостоятельную область, которая сама стала руководить развитием отдельной науки. Возникли частные логики отдельных наук.

Научное мировоззрение являлось синтезом из многих положительных знаний. Но материализм опрокинут частной наукой, физикой, когда оказалось, что материи как таковой не существует. Также и позитивизм, система О.Конта недолго сходила за научную. Система распадалась за системой под воздействием частных наук. Но и выводы любой науки (физики, химии) не касаются мировоззрения. Попытки пользоваться частными методами, частной логикой для объяснения проблем, выходящих за ее пределы, приводит к противоречию уже на уровне определения важнейших понятий.

Так, замечает А.Белый, для философов-энергетистов (Оствальда и др.), полагающих, что энергия или работа является сущностью любого жизненного процесса, само определение энергии представляет затруднение. Это понятие определено в области, когда речь идет о механической работе или в термодинамике, но за пределами частной науки это понятие становится многосмысленным и неясным. Развитие любой науки ведет к ее централизации в определенном методе. Принципы метода образуют частную логику любой науки; «язык этой логики таков, что он способен истолковать все явления «действительности на языке частной науки; но частных наук много; истолкований действительности столько же, сколько и методов. Научное мировоз-

зрение в сущности есть мировоззрение, в котором мир истолкован специальным образом».

Недостаточно просто принимать сложившуюся разноголосицу методов и языков частных наук. Недопустимо подменять термины душевных процессов терминами процессов физических, например, при исследовании души. Вопрос о душе, и вопрос об энергии по сути сводятся к вопросу о субстанции; значит, «следует проследить генетическое происхождение основных понятий той или иной частной науки; и далее следует критически разобрать самую сущность генетического метода, как объединяющего известную группу наук. И только тогда энергетическое и анимистическое истолкование процессов душевной деятельности предстанет в более правильном свете». ( 28 – С.27-28)

Необходимо общелогическое обоснование или переход в область теории знания. Теория знания, гносеология есть введение ко всякого рода мировоззрению, основа миропонимания. Но задачи теории знания слишком часто понимались в свете частной логики наук, а логика науки не может отождествляться с отдельными логиками.

Как писал автор, точность науки заключается в группах связей; «каждая группа может продолжаться до бесконечности, но между ней и смежными группами - бездна; все группы вытянуты в одном направлении, образуя как бы ряд параллельных непересекающихся линий; но все линии лежат в одной плоскости; эта плоскость - причинность; и потому смешны научно-догматические решения проблемы причинности путем подстановки под понятие причины понятий вроде энергии, силы, атома, воли и тому подобных понятий; ведь тут мы имеем дело с объяснением общего целого той или иной его частью; сказать, что причина есть сила, сказать, будто единица равна своей трети». По сути автор ищет выход из этой плоскости, и этот выход в вертикаль, где, с одной стороны, истоки понятия, а с другой — предел его развития. Отсюда научное мировоззрение представляет собой смесь, «винегрет» из предельных методических понятий.

«Рассматривая самые эти предельные понятия в процессе их исторического образования, мы, с одной стороны, постоянно подстраиваем к ним все новые и новые понятия; вчерашний предел перестает быть пределом; предельным понятием становится запредельное и в науке, и в метафизике; примеры: молекула - атом - ион; вес - сила - работа; «вещь в себе» - «я»- единое - воля и т. д. Рассматривая же эти понятия как понятия, выводные из рассудочных суждений (предпосылок опыта), мы подчиняем теории знания точную науку». (Отметим, что понятия, слова-термины рассматриваются Белым как «прекрасные и мертвые кристаллы», получившиеся в результате разложения живого слова и утратившие его творческую энергию (См. 29, С.424)).

Но получается, что самая плоскость научного образования понятий не пересекает ни разу вопроса о смысле этого образования; смысл жизни, пишет Белый, постоянно нас побуждает к словообразованию; само же образование научных терминов удаляет все более и более наше стремление к тому, чтобы понятия эти служили к утешению нас и к прояснению нам загадки нашего существования. (Здесь мы видим близость Белого к Гуссерлю в его постановке вопроса о смысле теории)

А именно в этом для философа цель всякого жизненного мировоззрения. Вот почему, полагает он, наука и мировоззрение не соприкасаются друг с другом нигде; насильственное присоединение к науке какого бы то ни было мировоззрения оскорбляет науку; но и обратно: оскорбляет наше сокровеннейшее стремление иметь мировоззрение, которое бы было нам и дорого, и ценно. (28, С.29) Но это различие может быть снято в символе, как пределе познания и творчества, как особого рода соединения с чем-то, находящимся за пределами знания и познания. То, что символизируется, может оказаться ценностью, жизнью, духом, богом. Как видим, требование Белого рассматривать историческое развитие научного понятия приводит к цели этого развития - символу как пределу пределов, и множеству смыслов. В символе заключается смысл познания и творчества, в процессе символизации символ творится и познается, но символ это не понятие и не метод.

Символизм Белого, заявленный как теория, все же близок к эстетике и проблемам художественного творчества. Для позитивиста П.С. Юшкевича созданный человеком мир есть мир условный, произвольный. Обратимся к его концепции эмпириосимволизма.

Все в мире делится П.С.Юшкевичем (1873-1945) на данное человеку и созданное им. Нам даны предметы внешнего и внутреннего мира, общественные явления. В области данного мы создаем лишь способы наблюдения, но не его предметы. Но есть и мир творчества, игры, где значение игры, ее содержание произвольно, условно, целиком создано человеком. Этот мир не просто указывает на факт символизации, но сам оказывается миром знаков или символов (См. 30, С.108-110). Рассматривая структуру игры, Юшкевич выявляет ее составляющие, это 1) феномен или внешняя сторона, 2) эпифеномен (внутреннее), 3) отношение знака к означаемому, заместителя к замещающему, или субституция. Не менее важным является произвольность и условность, или конвенционализм.(4). Символы могут быть и чистыми, и близкими к «данному». Символы развиваются постепенно от эмбриона, безусловного символа, где есть феномен и эпифеномен, до конвенциональности. В аффективной жизни символы теснее связаны с выражаемыми чувствами, чем с представлениями (Там же, С.111) Но в ходе развития безусловная связь слова с образом теряется, для развитого сознания слово представляется чем-то искусственным, но для нетронутого рефлексией ума слово составляет одно целое с вещью. В конце развития слова как устного, так и письменного

наиболее сильна конвенциональность. Примеры чистой конвенциональности - такие системы знаков как ноты, стенография (Там же, С.113-114).

Рассматривая в любой знаковой системе ее составляющие: е (эпифеномен), s (субституцию) и с (конвенциональность), Юшкевич указывает, что не всегда присутствуют все три элемента, возможна чистая конвенциональность связи между знаком и означаемым; ограничение произвола, некоторые условия, связанные с характером означаемого (графики) и наличие абстракций, идеальных образов, где символика прикрывает созданное, что-то вроде усиленной («в квадрате») субституции. Последнее наиболее выражено в шахматах ( $e+s^2+c$ ). Но ведь человек творит не только игру, но и научное знание. Математика по своему развитию повторяет путь символизации. Если вначале на уровне элементарного арифметического понятия и действия присутствует принудительная безусловная символика, то дальше условность и произвол возрастают. Высшая арифметическая символика имеет ту же формулу, что и шахматы. Особенно много условного в геометрии, в рассуждениях современных автору метагеометров. Если в идеальном, бесконечном, однородном геометрическом пространстве присутствует естественный характер символизации, то в многомерных пространствах увеличивается значение творческого произвола.

Еще сложнее, отмечает автор, дело обстоит с временем. Логическое время астронома, механика, ученого (объективное, равномерное) не дано в опыте, оно - наше построение, ведь нельзя наложить интервалы один на другой, как отрезки. Символ равномерно протекающего времени скрывает под собой работу идеализации непосредственно данного. Закон чередования явлений, изменения явлений связан с понятием времени. Как пишет Юшкевич, время выступает как константа нашего опыта, которую метафизирующая мысль превращает в нечто, стоящее над явлениями и подчиняющее их себе. Для антропоморфической мысли время выступает как существо (30, С.117-120)

Научное познание, утверждает автор, предстает как операции идеализирования, когда приближенное отношение мы превращаем в безусловное и переводим в ранг законов природы, а расхождение наблюдаемого и законов объясняем погрешностью наблюдения или вмешательством новых отношений. В символе времени скрыт постулат об упрощении явлений, о сведении их к типу элементарных периодических процессов. На долю идеального времени остается функция связывать в одно непротиворечивое целое все результаты наших специальных исследований. Все формулы механики, физики и т. п., куда входит время как составной элемент, должно составлять связное целое (Там же, С.121-122). Но при желании и понятие времени можно развить до степени чистого символа.

Как считает философ, все наше знание есть символическое познание или познание символического, что одно и то же. Человек - символаобразую-

щее животное. Его творческая деятельность двойственна, диалектична. Естественная искусственность, обусловленная условность, орудия и символы — два аспекта творческой деятельности человека. Производственная деятельность человека представляет из себя слитное единство «естественного» и «искусственного», познавательная деятельность есть соединение реального и идеального, данного и созданного, фактического и символического. Даже переживания человека даны в соотнесении. Основное, первичное, единственно данное - это поток сознания, всепроникающая взаимная связь и соотносительность переживаний. Как пишет Юшкевич, все может означать все, все потенциально символизирует все (Там же, С.124). Работа символизации не прекращается, но чистые факты и чистые символы — это абстракция. Есть эмпириосимволы разного вида и степени символизации. Познание эмпириосимволично, оно идет к эмпириосимволам все более высокой степени символизации, что позволяет увидеть линию: научные понятия- законы природы (отношения)- теории, гипотезы.

Юшкевич обращает внимание на загадочность понятия: мы понимаем, но не можем представить, индивидуализируем общее. Ошибочным является, когда свойства понятий-копий (первичных, донаучных) пытаются навязать понятиям-символам (научным). Научные понятия и являются вообще символами. Идеи есть эмпириосимволы различной общности (что, по мнению автора - ни эмпиризм, ни рационализм). Для науки характерна творческая идеализация, и научное понятие активно по отношению к данному (30, С. 125 -128). Все научные понятия более или менее созданы. Ссылаясь на Э.Маха, который делил понятия на испытующие (в физике) и конструктивные (математические), Юшкевич утверждает, что естествознание создает объекты естествознания. Так, земля астрономов есть точка как центр сил, но во втором и третьем приближении идет усложнение признаков. Луч света физиков в ходе исследования рассматривается вначале как прямая, позже как волнообразный. В ходе развития науки символ систематизирует знание, но с его расширением будет заменен другим.

Для философа все научные понятия соответствуют формуле  $e+s^2+cx$  (неопределенная степень конвенциональности, которая может быть больше, меньше или почти равна нулю). В этом смысле не равны по конвенциональности понятия эфира, атома, электрона, идеального газа или светового луча. Законы природы начинают со стадии копий и постепенно усложняются. Ньютонская теория тяготения - результат работы символизирующей мысли, когда на место видимого и осязаемого мира подставлен идеальный мир. В результате получена стройная и связанная система символов, внесшая простоту и единообразие в наблюдаемые явления.(30, С.129 -133)

Как пишет Юшкевич, все научное познание состоит в непрерывном создании символов, планомерно продолжающих стихийный донаучный процесс символизации (с учетом стихийности, традиции самой науки). Иррациональность, индивидуальность потока данного мы побеждаем, рассматривая

его как предел наших рациональных символов - научных понятий, законов природы. Но научные построения недолговечны, ни истинны, ни ложны в абсолютном смысле. Научная теория ложна, если рассматривать ее как предел движения к данному, но она истинна как показатель приближения к пределу (Там же, С.134-135).

Характер научной символики связан с соображением целесообразности и простоты. Но Юшкевич не разделяет идеи Маха и Оствальда о свободном от гипотез естествознании, требующих в науке прямого описания. Наука есть описание не в копиях, а в символах. Ключом к фактам оказывается система непривычных, странных образов, к которым нужно приспособиться. В научном познании все время идет процесс преодоления непривычного со всякой новой системой символов. (Там же, С.136).

Являются ли научные символы ли научные символы (атомы, материя) служебными? Автор полагает различие служебных и реальных символов относительным. Всякая символика имеет служебное значение, представляет собой приближенное решение основной человеческой проблемы - рационализации бытия. Никакая символика никогда не соответствует вполне реальности, поскольку сама реальность есть инфинитная система символов. Юшкевич вполне согласен с Дюгемом, утверждавшем, что физическая теория - связная и целесообразная система символов. Современную научную мысль толкает к символизму, по мнению философа, частичное крушение механического миропонимания и необходимость прибегать к различным образам, чтобы получить картину мира. Условность построений, создание различных воображаемых геометрий и исчислений, - все это демонстрирует конструктивную роль человеческой мысли (С. 137 -138)

Выводя историко-философскую линию символизма (древнегреческие софисты - средневековые номиналисты - Т. Гоббс с его учением о двух видах познания - сенсуалисты Локк и Кондильяк), Юшкевич обращает внимание и на влияние общесоциальных факторов. Это - рост технического могущества и технического творчества человека, символичность городской социальной жизни, как отрыв от природы, от данного (С. 139)

В более поздних работах, сравнивая научные и философские понятия, П.С.Юшкевич подчеркивал следующие особенности. Научные понятия все определены и однозначны, у них резко очерчены контуры. Несмотря на трудность определения таких понятий, как «сила», «энергия», их объем и охват не вызывают сомнений. Они чисто познавательного типа, имеют только логический смысл (энергия есть энергия). Подобно сухим деловым бумагам, каждое слово и знак имеют точно взвешенное и раз навсегда установленное значение. Философские понятия полны намеков, они мерцающие, как звезды, помимо логического смысла скрывают особенное богатое содержание и похожи на поэтические произведения. Коренные философские понятия всегда есть понятия - образы, эмоции. Они биполярны, как термоэлементы,

если убрать эмоциональный конец, то философский ток больше не течет, они превращаются в немерцающие, с четкими контурами, термины науки (31, С.153).

Итак, человек имеет дело с динамичной реальностью символического, с реальностью языка и слова о бытии, знака, имеющего определенную структуру.

Обратимся еще к одному автору, также занимавшегося проблемой слова, символа, и становления термина. Наука есть язык, объясняя, она максимально широко описывает явление. Как пишет П.С.Флоренский (1882-1937) в статье «Наука как символическое описание», начиная с 70-х годов 19 века, в течении тридцати лет трудами физиков и историков науки утвердилась мысль, что физическая теория есть описание природы через образы или представления. Опираясь на высказывания П. Дюгема, Флоренский сравнивает континентальную и английскую науку. Первая стремится сократить число образов, связав их в дедуктивную цепь, вторая же предлагает воображению множество наглядных образов-моделей одного и того же явления, показывая различные свойства. Даже алгебраический анализ выступает у англичан не как средство логического доказательства, а как модель, картина без порядка и метода. Но что же означает описание в физических теориях? Это определение и связь параметров в виде математических выражений, дифференциальных уравнений, а также механическое объяснение процесса как некоторого движения с учетом потенциальной и кинетической энергии. Но механическое объяснение либо невозможно, либо принципиально возможно как произвольное, и тогда нет выбора между объяснениями, все они условны. Модели или символы как фиктивные образы мира не объясняют явления, а подставляются вместо него. Если считать за объяснение точное знание, то модели всегда условны, значит, не может быть единственного объяснения, но есть лишь возможность объяснения. Все есть описание, в абстрактных символах или конкретных образах в определенных пределах. Описание не заменяет и не растворяет реальность явления, а углубляет наше внимание и служит осознанию предлежащей реальности (32, С.112-120).

Выступая как познавательные сущности, символы должны быть имманентны описанию, описание есть речь, название. Каждый символ есть слово, любой образ поясним. Можно бесконечно подставлять описания и образы одни вместо других, от сложных до простых. Наука может высказаться либо кратко и точно, в уравнениях, либо словесно. Не только физика оказывается описанием и языком, но все науки, близкие или далекие от физики есть описания действительности и язык. ( Там же, С.122-124).

Всякая наука есть система терминов. П.А. Флоренского интересует процесс становления научных понятий. Он рассматривает научную речь как орудие для овладения предметом познания, выкованное из повседневного языка. Суть науки для него заключается в устройении терминологии, наука предстает как система терминов, и жизнь терминов и есть история любой

науки. Рассматривая становление терминологии, он выделяет следующие ступени или этапы.

Первая пара взаимосвязанных и взаимно превращаемых ступеней на пути мысли - это технические выражения и обобщающие формулы, как словесные, так и символические. Все технические наименования вводятся определением, которое предполагает наличие некоторого экзистенциального суждения. Это суждение о существовании комплекса признаков говорит о его возможности, связанной с закономерностями области познаваемого, и утверждает устойчивость, организованность и единство этого комплекса признаков. Без признания существования определение представляет лишь видимость слова, звук, беспредметное. Подлинное техническое определение есть усмотрение мыслью внутренней связности, служит синтезу слов и есть некоторая остановка мысли. Техническое выражение должно соответствовать естественному расчленению реальности, оно, как пишет Флоренский, свивает в себе некоторое сжатое описание реальности. Обобщающая формула как описание развивает техническое выражение.

Номенклатура, как низшая область таких выражений, есть уже результат обработки слов повседневного языка, связанное с познанием переплетений многих признаков. Название есть сжатая в одно слово формула изучаемой вещи и служит остановкой мысли на некоторой вершине. Систематика как уплотненное созерцание природы есть главное бесспорное и долговечное достояние соответствующих областей знания. Ссылаясь на Г. Лотце, Флоренский полагал, что название не есть условие издавать некий звук по поводу восприятия, оно есть слово, в котором должна быть законная связь внешнего выражения и внутреннего содержания. Новое имя должно быть признано символом. Символичность слова требует вживания и мистического постижения.

Следующая ступень - это термин и формула закона. Разделяя некоторым образом идеи английского историка науки второй половины XIX в. В. Уэвелля, Флоренский цитирует его представления о возникновении терминов. По Уэвеллю, в языке науки технические термины образуются вначале попутно, случайно, а затем сознательно, систематически. Флоренский же утверждает, что термин должен быть соотносителен с некоторым синтетическим предложением, его заменяющим и в него свитым. Это есть реальное определение термина, объяснение понятия как синтез, опирающийся на углубленное созерцание реальности. Спор об определениях, как полагал Уэвелль, становится вопросом об истинности и ложности, определение имеет научную цену, когда мы знаем, какую истину надо открыть. Близкую Уэвеллю позицию Флоренский усматривает в идеях А. Пуанкаре, который видел в научном творчестве путь, в начале которого лежит искание красоты, основанной на чувстве гармонии, затем создание интуитивных гипотез, исследование пригодности гипотезы, создание теории круга явлений и дискурсивное творчество. Одной из функций дискурсивного творчества является создание научного языка.

Соглашаясь с ролью «термино-творчества» в научной мысли, Флоренский предлагает задуматься о самой природе термина. Этимологически термин (*terminus*) с латинского есть граница, некий пограничный знак. В греческом слове *horos* (*horismos*) есть сходное понимание борозды, ограничения. Установление права на землю и границы собственности изначально обеспечивались религией, а не законами. Терм был священной границей, стражем участка. Поэтому его первичный смысл священен. В философию слова «термин» и близкие ему попадают из религии. Флоренский цитирует И. Дамаскина, который полагал, что определение отделяет природу каждой вещи от природы другой. Определение уже, чем термин, ибо термин обозначает и земельную границу, и решение. Термин обозначает также определение, а определение означает краткую речь, выражающую природу подлежащей вещи. Флоренский отмечает, что *horos* есть и земельная граница, и определение, и термин, и решение или постановление. Все эти смыслы должны рассматриваться не исключая друг- друга, а вместе.

В более позднем языке в слове *terminus*, полагает Флоренский, основным остается момент определенности. Собственно философское использование этого слова ввел Аристотель, у которого термином суждения называются логический субъект и логический предикат. Как пишет Флоренский, они определяют и сужают размах мысли, который допускается актом суждения. Между тем, о чем мы говорим и что мы говорим, содержится весь простор мысли. Термин – это границы, межидумия. Благодаря термину мышление осознает себя, история термина есть последовательность творческих усилий мысли, жизнь терминов есть история науки. (См. 33, С.143-152)

Мы видим, что для А.Белого важным является смысл понятия, для П.Юшкевича – его знаковая структура, для П.Флоренского – становление научного понятия. Но научное понятие для них прежде всего – символ, синтез, соединение с чем-то запредельным, стремление к овладению истиной и результат творческих усилий мыслящего и говорящего человечества. Наука представляет собой процесс саморазвития слова-понятия-символа-термина. В этом смысле она есть особого рода динамичная реальность.

### Заключение

Наверное, уже общим местом стало указывать как на специфичность русского философствования, так и на близость русской мысли к основным тенденциям развития философии конца 19 - начала 20 веков. Пожалуй, именно это сочетание общности и уникальности позволило русской философии не просто не отставать от западной мысли, но и опережать ее в решении некоторых проблем. Философия науки, развиваемая в трудах русских философов, в чем-то предвосхищает эпистемологические концепции второй половины прошлого столетия. Русские символисты опережали Э.Кассирера, представителей логического позитивизма и конструктивистов, идеи Булгакова близки к культурно-исторической эпистемологии. Диалектика, основанная на

вере в логичность и софийность мира, поиск противоречивого, единства и двойственности в развитии науки, выгодно отличает русскую мысль от достаточно односторонних концепций позитивизма, прагматизма и неокантанства. Конечно, это поиск философский, не научно-профессиональный. Как бы ни знали хорошо ученые историю и проблемы своей отдельной отрасли научного знания, они могут лишь обозначить трудность и мотивировать решение. Только философия способна к органическому синтезу в поиске истины. Но не стоит и расширять задачи философии и науки, подчинять их целям, пользе и правде социальных групп, ибо тогда не будет знания ради знания, а будут лишь упреки и разочарования.

### СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бряник Н.В. Историческая эпистемология и культурно-исторический подход в гносеологии // Эпистемология и философия науки, 2010, Т.24, № 2 - С.112-129.
2. Мамчур Е.А. Еще раз о предмете социальной эпистемологии // Эпистемология и философия науки, 2010, Т.24, № 2 - С.44-53
3. Янцен В.В. /Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. К 130-летию Г.Г.Шпета. Встреча вторая (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии, 2010 - № 7 - С.3-13.
4. Шкуринов П.С. Философия России. Учеб пособие для ВУЗов - М., Высш.шк.-1992 - 256 с.
5. Герцен А.И. «Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы». ([az.lib.ru/g/gercen\\_a\\_i/text\\_0400-1shtml](http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0400-1shtml))
6. Булгаков С.Н. Душевная драма Герцена / Соч. в 2-х т. Т.2. Избранные статьи- М., «Наука», 1993 - С.99-113
7. Зеньковский В.В. История русской философии. Т.2, ч.2.- Ленинград, «ЭГО», 1991 - 220 с.
8. Гершензон М.О. Творческое самосознание //Вехи. Из глубины. - М. «Правда», 1991 - 608 с.
9. Толстой Л.Н.. Путь жизни- М., «Республика», 1993- 431 с.
10. Толстой Л.Н. Что такое искусство? // Антология русской философии в трех томах. - Т.3 - СПб «Сенсор», 2000 - 639 с.
11. Русская философия второй половины XIX в. Ч.1: Философия русских революционных демократов и естествоиспытателей: Хрестоматия /Сост. Б.В.Емельянов - Свердловск: Изд-во Урал. Ун-та, 1991 - 256 с.
12. Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия.- М., изд-во «Правда», 1990 - 638 с.
13. Соловьев В.С. Статьи из Энциклопедического словаря Ф.А.Брокгауза -И.А.Ефрона. Лекции по истории философии за 1880-1881

гг.// Антология русской философии в трех томах. - Т.2 - СПб «Сенсор», 2000 - 576 с.

14. Чичерин Б.Н. Наука и религия  
[http://iph.ras.ru/elib/Chicherin\\_Nauka\\_i\\_religiya.html](http://iph.ras.ru/elib/Chicherin_Nauka_i_religiya.html)
15. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда //Вехи. Из глубины.- М. «Правда», 1991.- 608 с.
16. Франк С.Л. Этика нигилизма / Сочинения, - М., изд-во «Правда»,1990 - 608 с.
17. Булгаков С.Н.. Под знаменем университета // Соч. в 2-х т. Т.2. Избранные статьи- М., «Наука», 1993 - 750 с.
18. Микешина Л.А. Современные темы в философии науки С.Н.Булгакова // Эпистемология и философия науки, 2010, Т.24, № 2 - С.179-194.
19. Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм //Вехи. Из глубины.- М. «Правда», 1991 - 608 с.
20. Франк С.Л. Крушение кумиров / Сочинения, - М., изд-во «Правда», 1990- 608 с.
21. Гайденко П.П. Постметафизическая философия как философия процесса // Вопросы философии, 2005, № 3 – С. 128-138
22. Эрн В.Ф.. Сочинения - М., Изд-во «Правда», 1991 – 676 с.
23. Булгаков С.Н. Философия хозяйства / Сочинения в 2-х т.- Т.1.- М., Изд-во «Наука», 1993 – 604 с.
24. Русские философы (конец XIX - середина XX века): Антология. Вып.2 /Сост. С.Б.Неволин, Л.Г. Филова.- М.: Изд-во «Книжная палата», 1994 – 424 с.
25. Гоббс Т. Левиафан. Гл. 4 и 5 // Логика и риторика: хрестоматия -2-е изд. доп. и перераб., авт. и сост. В.Ф.Берков, Я.С.Яскевич. - Минск: ТетраСистемс, 2007- 736 с.
26. Паскаль Б. О геометрическом уме и об искусстве убеждать // Логика и риторика: хрестоматия -2-е изд. доп. и перераб., авт. и сост. В.Ф.Берков, Я.С.Яскевич- Минск: ТетраСистемс, 2007- 736 с.
27. Панова О.Б. Русская философия о природе и сущности языка. Статья 2. // Философские науки, 2013, № 4 - С. 53-68
28. Белый А. Эмблематика смысла / Белый А. Символизм как миропонимание. [http://www.gumer.info/bogoslov\\_Buks/Philos/bel/01.php](http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/bel/01.php)).
29. Бычков В.В. 2000 лет христианской культуры sub specie aethetica. В 2-х тт. Т.2. Славянский мир. Древняя Русь. Россия.- М.-СПб., Университетская книга, 1999 - 527 с.
30. Русский позитивизм ( Составитель, автор предисловия, обзорной статьи и указателей С. С. Гусев, Отв.ред.: А.Ф.Замалеев, А.И.Новиков) – СПб.: «Наука», 1995 - 353 с.
31. Юшкевич П.С. «О сущности философии» //На переломе. Философские дискуссии 20-х годов .- М.: Политиздат, 1990 - 528с.

32. Флоренский П.А. Сочинения. Т.2. «У водоразделов мысли» - М., Изд-во «Правда», 1990 - 448 с.

33. Флоренский П.А. Термин / Антология русской философии в 3-х т. Т.2.- СПб, «Сенсор», 2000 - 575 с.

## СОДЕРЖАНИЕ

### С.

3	Введение		
	1.Наука - дело профессионалов и кумир дилетантов		
	4		
	2. Наука как функция жизни		
	(«всеединство» против неокантианства и прагматизма)		
	11		
	3. Наука как система терминов и символов		
	24		
	Заключение		
	32		
	Список	использованной	литературы
	32		

